

Ф. Б. РОСТОПЧИН

ЗАМЕТКИ О ШАХСЕВЕНАХ

В настоящее время национальному вопросу в Персии отводится на страницах нашей печати все большее место. Недаром еще в 1927 г. II съезд Иранской компартии отметил всю важность и актуальность изучения курдов и арабов. Опыт ряда восстаний персидских племен за последние годы доказывает, что социально-экономическое развитие их вступило в такую фазу, когда в силу общности условий, происходят не только совместные восстания ранее взаимно враждовавших друг с другом (напр. туркмено-курдское восстание 1926 г. в Хорасане), но и вооруженные выступления племен в союзе с оседлым крестьянством и городской беднотой (восстание племен в Фарсе в 1929—1930 гг. и др.) Отсюда выступает практическая необходимость изучения не только таких крупных племен как курды и арабы, но и других, более мелких племен.

Настоящие заметки имеют целью показать каковы были основные этапы истории шахсевенов.

Автор пытался проработать и использовать все имевшиеся в его распоряжении печатные и рукописные материалы на русском, западных и персидском языках. Кроме того, некоторые сведения были получены во время кратковременной поездки и путем опроса местных жителей и ряда компетентных товарищей.

Перейдем к истории шахсевенов. Под этим названием (персидские историки обычно писали „шахи-севен“, отгнетая турецкий винительный падеж „шахи“) фигурировала в Персии группа тюркских племен. Термин этот буквально означает по тюркски „те, которые любят шаха“ (тюркский глагол севмек — любить).

Согласно английскому историку Персии, Малькольму (Sir John Malcolm. The history of Persia. London, 1815, I, 556), точка зрения которого была безоговорочно принята позднейшими исследователями, шахсевенские племена образовались следующим образом: Шах-Аббас I (995—1037) 1586—1628 гг. из династии Сефевидов, одолев своих внешних врагов, из которых самыми опасными являлись турки [мир 998 (1590 г.)] и узбеки, сконцентрировал свое внимание на внутреннем положении рождавшегося в муках государства. Здесь в первую очередь, ему пришлось столкнуться с вопросом о создании дисциплинированной, боеспособной армии, на которую он мог бы всецело рассчитывать. Такой армии до сих пор не существовало и Сефевидам приходилось оперировать при помощи целого ряда взаимно враждовавших между собою тюркских племен, возглавлявшихся соперничавшими друг с другом предводителями, составлявшими преторианское ядро тех вооруженных сил („кизыл-баши“ — красноголовые, прозванные так вследствие красного головного убора), которым располагал шах. Не будучи уверенным в своих провинциальных отрядах и постоянно лавируя между враждующими племенными группировками, Шах-Аббасу, поневоле пришлось искать выхода из создавшегося положения. Для этого он сгруппировал вокруг себя наиболее надежных предводителей племен с их дружинами и создал из них особое племя, главою которого он себя объявил (откуда и последовало название „шахсевен“).

Шахсевены пользовались рядом особых привилегий: им принадлежали лучшие пастбища, они не платили никаких налогов, им отходила лучшая часть военной добычи и т. д. (сравнить с военной аристократией Чингиз-хана, см. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900, ч. II,

стр. 413, 414 и др.). Число шахсевенов доходило до ста тысяч дымов, и хотя цифра эта затем, повидимому, значительно уменьшилась, шахсевены составляли грозную боевую силу и, вместе с тем, послушное орудие в руках Сефевидов.

Не удовлетворившись указанным политическим шагом, Аббас сократил на половину цифру выставлявшегося бывшими кизыл-башами ополчения (60 тыс. чел.), содержавшегося и возглавлявшегося племенными начальниками, что совершенно лишало центральную власть возможности назначать в племена своих ставленников из других племен и держать их под своим контролем. Теперь же Аббас заменил распущенное ополчение регулярной армией, комплектовавшейся по набору и получавшей содержание от казны и командный состав по назначению из центра.

Таким путем была создана более надежная вооруженная сила, на которую могла с большим спокойствием опереться центральная власть.¹

Повидимому указанная военная реформа связана с укреплением городов, усилением их значения в хозяйственной жизни страны, более резким разграничением между оседлым и кочевым населением и ростом торговой буржуазии, поддерживавшей политику Шах-Аббаса.²

Малькольм, повествуя о шахсевенах цитирует „Зубдат-уттаварих“, и с тех пор, как было уже указано, версия его была принята всеми почти позднейшими исследователями.

Между тем, европейские путешественники — современники Сефевидов R. du Mans, *Estat de la Perse en 1660*, par le P. Raphael du Mans, *superieur de la Mission des Capucins d'Ispahan*, publ. avec notes et appendice... par Ch. Schefer, Paris, 1890; D. Garcia Silva Figuerola. *Comentarios... de la Embajada que de parte del Rey de Espana don Felipe III hizo al rey ха Abas de Persia*. Madrid, 1603—1605, v. I—II, и др. соч. того же автора; J. Chardin. *Voyages en Perse et autres lieux de l'Orient*, различн. издания; A. Olearius. *Relation du voyage en*

Фиг. 1.

¹ Рассчитывать на шахсевенов во всех случаях все же не приходилось. Известен ряд фактов, когда они никак не реагировали на призывы центральной власти; так, например, во время, афганских войн в начале XVIII в. шахсевены отказались примкнуть к формировавшейся в Казвине принцем Тахмасп-Мирзой армии.

² Следует отметить, что в эту эпоху мы видим в Персии столкновение двух типов феодализма. С одной стороны, мы имеем кочевое общество внутри которого товарно-денежные отношения были, сравнительно, мало развиты (причем проникновение товарно-денежной формы происходило в различных племенах далеко неравномерно), но имеется явно выраженный феодализм, с присущими ему характерными чертами, стоящий на низком уровне, по сравнению с феодализмом центральных городских районов Персии. С другой стороны, в городах и в прилегающих к ним районах мы видим уже законченный тип феодализма, достигшей своей зрелости, с значительно ушедшим вперед проникновением товарно-денежных отношений, отделением ремесла от сельского хозяйства и т. д.

Moscovie, Tartarie et Perse... Paris, 1639, и др. не упоминают о племени шахсенов, что заставляет сомневаться в безоговорочной правильности передаваемых Малькольмом фактов.

Дело в том, что в известном персидском историческом источнике „Алем-ара-йе-Аббаси“ (Тегеран, 1314, 767 стр.), автор его Искандер Монши неоднократно употребляет выражения вроде: „шахи-севен керден“, „села-йе-шахи-севени“ и пр. (см. стр. 182, 295, 218, 254 и др.), в смысле „призыва к верным“, надежным сторонниками престола. Так уже при отце Шах-Аббаса, Шах-Сольтан Мохаммеде, центральная власть использовала этот прием во время внутренних восстаний 989 и 992 гг. х. Искандер Монши поведствует о том, как Шах Мохаммед, „бросив призыв шахи-севен, приказал, чтобы все члены туркменского племени, которые являются сторонниками и слугами этого очага („голям вэ йекджехет-е-ин дудман“) собрались к его величеству“ (стр. 218).

По всей видимости, как было уже отмечено, положение шахсенов отличалось чрезвычайной выгодностью и было сопряжено с рядом почетных привилегий. В чем они заключались, Искандер Монши не указывает, но упоминает о том, что некоторые знатные ханы спешили поскорее послать шаху своих сыновей, дабы последние не оказались вне рядов этого избранного ополчения.

Подобные призывы к „верным“ могли, кроме того действовать и на религиозные чувства сторонников Сефевидовского дома („дудман“, „оджак“); правители этой династии не только считали себя потомками шиитских имамов, но выдавали себя даже за воплощения последних. Так уже основатель Сефевидской династии шах Исмаил I в своих поэтических произведениях, где он выступает под псевдонимом Хетай („Грешник“) выдвигает чрезвычайно любопытные политические тенденции, окрашенные в религиозно-мистические цвета. Выставляя себя мстителем за кровь отца, погибшего в борьбе против своих политических противников и покровителем Ардебильского „фамильного очага“ (ханэдан), посылает проклятия своим ширванским врагам, призывает к себе верных соронников, выставляя при этом ряд чрезвычайно смелых мистических презумпций.¹ Любопытно, что среди секты Эхль-е-Хекк (Али-Илахи) Хетай пользуются громадным религиозным и политическим авторитетом: так, священная книга „Кутб-намэ“, перечисляя различные проявления божества, говорит: „В (лице) Хетай оно говорит по-турецки и становится „пиром“ Туркестана“ (под этим географическим термином подразумевается населенный тюрками Азербайджан).² Во времена Шах-Аббаса, в Турции существовала секта считавшая персидского шаха своим „муришдом“.

Таким образом, формула „шахи-севен“ являлась не только лозунгом централизующейся монархии, но и взывала к религиозному моменту, значение которого на данном этапе отнюдь не следует недооценивать.³

Искандер Монши передает, что в 995 г. х., в первый год царствования Шах-Аббаса, кизыл-баши восстали против власти одного из администраторов шаха Муршид Кули хана. Шах тотчас же применил метод „шахи-севен“ и сторонники центральной власти стали прибывать целыми группами. Несколько дней спустя повстанцы были схвачены и казнены. Этот нанесенный кизыл-башам жестокий удар остался им памятным надолго. Однако Искандер Монши не дает никаких указаний о непосредственных последствиях призыва 996 г.;

¹ См. рукопись „Сефвет-ос-сефа, сельсатат он-несаб-е-сефевиз“ и историю детства Исмаила I опубликованную Sir D. Ross в „Journal of the Royal Geographical Society“. London, 1895, p. 249—340, а также о Хетай, см. ст. В. Минорского в „Encyclopédie de l'Islam. Paris, 1926, Livr. 32 bis, p. 974—975. Там же библиографические указания.

² Шахсены говорят на общем для Ардебильской провинции тюркском диалекте „азери“, но по некоторым данным племя Зергер употребляет джагатайское наречие.

³ Шахсены исповедуют шиизм, и лишь только племя Ходжабеглу имеет, повидимому, в своей среде суннитов. Один из шахсеновских кланов состоит целиком из сейедов (Сейедлар).

он замечает лишь, что прибывшие по призыву шаха шахсевены „держали караул до утра“ (стр. 254).

С другой стороны, Шах-Аббас успешно продолжал свою энергичную политику перегруппировки и расчленения тех крупных племен, которые могли явиться для централизующегося государства наиболее опасными противниками. В этом отношении он, умело используя межплеменную вражду, вспыхивавшие вооруженные столкновения, соперничество племенных ханов и старшин, следовал примеру хотя бы своего деда, Тахмаспа, который уже в 936/1529 г., воспользовавшись конфликтом между племенами Шамлу и Теккелу, уничтожил при помощи первого второе племя, ханы которого грозили захватить власть

Фиг. 2.

в свои руки. Уцелевшие от разгрома члены племени Теккелу частью рассеялись, а частью были переселены в другие районы; остатки его и по сию пору встречаются в Кермане (Malcolm, I, 506, франц. пер., II, 276—277). Новые войсковые части („колла“, „тофенгчи“) подорвали значение кизылбашских „курчи“ (Chardin, V, 292). Другим способом ослабить прежних преторианцев было влить в их состав новые элементы, более материально зависимые от шаха и преданные ему. Эти новые кадры, по всей видимости, крепко держались за предоставленные им привилегии и чрезвычайно гордились названием „шах-севен“, как это доказывает история ардебильских племен.

Таким образом, можно справедливо сомневаться, что Шах-Аббас когда-либо „создал“ какое-то единое, строго организованное племя, названное шахсевен. Из вышесказанного явствует, что „шахи-севен“ является неоднократно применявшимся политическим приемом благодаря которому правящему дому удавалось бороться с враждебными племенами.¹ Совершенно очевидно также, что путем призыва „шахи-севен“, Сефевиды стремились создать себе шах-

¹ Происхождение шахсевенов как политических союзов племен можно вывести из описания Эвлии Челеби, в XVII в. изъездившего М. Азию вдоль и поперек и упоминающего о шахсевенах параллельно с кизыл-башами, одновременно связывая воедино эти два термина и, вместе с тем, противопоставляя их один другому (см. F. Babinger, Scheich Bedr-ed-Din. „Der Islam“. 1921, XI, 97).

севенскую гвардию, состоящую не из одного, а из многих самых различных племен, дабы обеспечить себя от опасности захвата власти господствующей верхушкой такого мощного племени.

Такая политика, лозунгом которой было „разделяй и властвуй“, чрезвычайно напоминает, политику китайцев по отношению к монгольским племенам до Чингиз-хана (см. Бартольд, Туркестан... II, 409). Одно племя использовалось здесь против другого, представлявшего грозную опасность, но тотчас после окончания такой борьбы приходилось принимать такие же меры против своих недавних союзников.

Здесь будет не лишним коснуться вкратце истории ардебильских шахсенов. Согласно их собственной традиции они являются выходцами из Малой Азии, откуда их вывел полупоэтический вожь Юнсур-паша, испросивший предварительное на то разрешение у Шах-Аббаса и перешедший впоследствии из суннизма в шиизм. Юнсур привел, будто бы, с собой до 3300 дымов, часть которых впоследствии переселилась в Хорасан.

Шахсены делятся на 3 группы: 1) племя Юнсур-паши, подразделяющееся на кланы, носящие названия потомков главы: Сарухан, Ходжа-бег, Бенд-Али-бег, Пулад-бег, Демир-бег, Кузат-бег и пр., в свою очередь дробящиеся на позднейшие ответвления; 2) племя, выведенное Курд-бегом, из которого сохранились следующие кланы: Талыш-Микейлу, Хелифалу, Муганлу, Удулу, Мурадлу, Зергер и др.; 3) два племени, перекочевавшие одновременно с Юнсур-пашей, но независимо от него: Инанлу (по „Алем-ара“ Инанлу, повидимому происходит от монгольского „иман“ — козел) с кланами: Пир-Айветлу, Келяш, Кур (Кор) Аббаслу, Гейклу, Юрчи („шатровщики“), Дурсун-Ходжалу и Бегдиллу с кланами: Аджирлу, Ходжа-Ходжалу, Йедди-оймак, Араблу, Черхерлу, Кабаду. Наряду с указанными племенами упоминаются также отдельные группы: Реза-беглу, Сарванлар („верблюдоводы“) и Гямушчи („буйволы“).

Юнсур-паше наследовал Сару-хан; из числа его наследников отмечают Бедр-хана, сподвижника Надир-шаха в его походах. Якобы в результате возникшей между сыновьями Бедр-хана распри, шахсены раскололись на две части: ардебильских, под началом иль-беги линии Незер-Али-хана и мешкинских, подчиненных иль-беги линии Кючюк-хана (см. V. Minorsky. Shah-sewen, Encyclopédie de l'Islam, Livr. E., p. 276—277). При Шах-Аббасе особое значение стала играть шиитская духовная бюрократия, так как шах рассчитывал при помощи религиозного начала объединить разношерстное население страны, чуждое политической и национальной общности и распадавшейся на целый ряд враждующих между собой племен. При преемниках Аббаса I духовенство еще более укрепилось за счет военной аристократии, что отразилось и на шахсенах, сплоченность которых обуславливалась исключительно их военными целями. Как только пропал самый стимул их объединения, неизбежно последовало разложение их военной организации: шахсены распались на свои составные части — отдельные племена, совершенно утратив то значение, которое они имели при Аббасе I. Однако шахсенские племена все же играли немалую роль в тех междоусобицах и гражданской войне, которыми полна история Персии за последние 100 лет до Туркменчайского трактата между Персией и Россией (1828 г.), явившимся как мы увидим ниже, важнейшим рубежом исторического развития шахсенских племен.

Тем не менее и в этой борьбе многие шахсенские племена, например ардебильские, сильно ступежались и только при Надир-шахе (1736—1747 гг.) они объединились для завоевательных целей его в Закавказье.

Однако и Надир-шах, следуя примеру своих предшественников и опасаясь слишком большого усиления шахсенов, проводил политику расчленения и рассеивания племен. Так Зейн-уль-Абидин Ширвани („Бустан-уль-сийахат“, напр., в 1247/1831 г., опубликован в Тегеране в 1315/1897 г., стр. 316),

упоминает о наличии шахсевенов даже в Кабуле и Кашмире, куда они, повидимому, попали вследствие указанных мероприятий (см. J. Morier. *Some account of the Ilyats* . . . Journ. of the R. Geogr Soc., 1837, VII, 235).

Как бы то ни было, при изучении социально-экономической структуры шахсевенских племен, следует обратить особое внимание на военный ее характер, непосредственно вытекавший из всей суммы экономических, политических и социальных условий, в которых протекала история шахсевенов.

Попытаемся проследить основные этапы этого развития, начиная с эпохи Сефевидов. Как видно из предыдущего то, что понимается под термином шахсевены, является объединением целого ряда тюркских кочевых племен и отдельных кланов, имевшим чисто политический характер и созданным для отражения внешних врагов (защита столицы — Казвина и западной границы от турок), противодействия усилившемуся влиянию „кызылбашской“ преторианской гвардии и ликвидации внутренних восстаний. Совершенно естественно, что шахсевены пользовались целым рядом привилегий экономического характера, на которых мы уже останавливались и если на определенном этапе призыв „шахсевен“ обращался к широким массам кочевников (причем явились добровольцы из тюркских племен, кочевавших не только на территории Персии, но из Месопотамии и даже Средней Азии), то через известный период времени объединение шахсевенов стало носить совершенно замкнутый характер определенной военной корпорации.

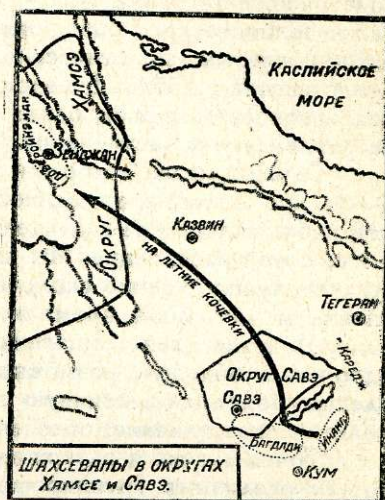
Привилегированное положение шахсевенов, во многих чертах сходное с положением казачества в царской России, привлекало и племенные низы, жаждавшие улучшения своего экономического состояния и племенную верхушку, стремившуюся усилить свое могущество, соперничая с другими племенами. Об этом свидетельствуют такие факты, как, например, рассказ Мирзы Хасана Фесаи (Фарс-намэ-йе-Насери. Тегеран, 1313, II, 309, Иль-е-Инанлу) о том, что одно из колен Гёк-пэр племени Инанлу (повидимому племени Инанлу, входящего в союз пяти племен Хамсэ в восточной части провинции Фарс), отделившись от указанного колена, объявило себя „друзьями шаха“ (шах-дуст) и сделалось шахсевенским.

С другой стороны, можно проследить как бекская верхушка, вступая в число шахсевенов, наделялась тийулями и пр. Так, например, цитированная уже хроника „Алем-ара-йе-Аббаси“ упоминает различные ленные владения (тийулат), которыми владел в Азербайджане кызылбашский вождь Гюндогмуш Султан Бегдили (отсюда племя Бегдиллу) „находившийся со своими племенами и палатками в Тасуке, близ Киркука. Во время первой Богдадской кампании, став шахсевеном, он представился шаху и получил титул султана“ (стр. 762).

Процессы, под влиянием которых шахсевены слагались в военно-кастовую организацию неразрывно связаны с укреплением их на Муганской степи.

Как известно, степи и горы Восточного Закавказья представляют собой прекрасные пастбища для скота, Муганская, Мильская и Карабахская степи являются исключительными зимними пастбищами, всегда привлекавшими внимание кочевых орд, в частности тюрко-монголов.

Естественно, что за обладание богатыми муганскими пастбищами между кочевниками велась упорная борьба, где в политическую группировку шахсевенов вступали, с одной стороны, как раз те сильные племена, которые стре-

Фиг. 3.

милась удержать свои выгодные кочевые позиции, а, с другой стороны, включились племена, искавшие возможности улучшения своего экономического положения, а потому объединявшиеся с более мощными племенами против общего врага.

Рост основного богатства кочевника — скота — еще с большей остротой заставлял победившие племена искать пастбищ, могущих обеспечить прокорм громадного количества голов (дробление по отдельным мелким пастбищам на большом расстоянии знаменовало бы опасность быть разбитыми враждебными племенами).

Таким образом из борьбы и захвата одного из основных средств производства кочевого хозяйства — пастбищ — выкристаллизовался экономический базис политического объединения шахсевенов. В свете такого подхода становятся понятными политические мероприятия Сефевидов и их наиболее яркого представителя Аббаса I, мероприятия, являвшиеся, в сущности говоря, умелым использованием борьбы одних племенных группировок против других, политики натравливания и расчленения.

Те материалы, которыми мы располагаем о шахсевенах свидетельствуют о том, что к тому времени, когда они были написаны, среди шахсевенских племен наблюдалось уже значительно ушедшее вперед разложение родового строя и классовое расслоение. Мы видим в племени, с одной стороны, господствующую верхушку, крепко сколоченное ядро племени, члены какового ядра тесно спаяны между собой, кроме экономических интересов еще и родственными связями. Действительно, многочисленное, сильное, крепко спаянное племенное ядро имеет большую возможность занимать лучшие пастбища, оказывать своим членам более эффективную защиту от внешних врагов, приобретать прочное политическое влияние, обеспечивая себе лучшую и большую долю добычи¹.

Точно так же и внутри племенной верхушки, племенного ядра, происходит борьба различных группировок, причем побеждает также самая многочисленная и спаянная. Во главе узурпировавшей власть группировки стоит выдвигаемый ею начальник племени „иль-хан“. Его права и обязанности вытекают из военного характера устройства племени; он предводительствует племенем в походах, в борьбе племен между собой за обладание пастбищами, в аламанских набегах и пр. За это получает львиную долю добычи, пользуется рядом привилегий (сравни последний факт с правами и обязанностями казачьего атамана XVII в.).

Таким образом, мы видим среди шахсевенов, по ранним источникам, отчетливое разложение родового строя, при котором, по выражению Ф. Энгельса „все родовое общественное устройство превращается в свою противоположность“, вырастая из „организации племен для заведывания своими собственными делами ... в организацию для грабежа и угнетения соседей“ (Происхождение семьи, частной собственности и государства, М., 1922, „Москов-

¹ Подобное же положение наблюдается среди подавляющего большинства кочевых племен, в особенности же тех из них, структура которых носит военный характер. Совершенно исключительный характер представляют бедуины. М. F. de Goeje, до известной степени суммировавший литературу по этому вопросу в „Encyclopédie de l'Islam“ (1913, I, 377—382) отмечает: „иметь как можно больше сильных сыновей — вот идеал араба; это усиливает значение его семьи, возвышая последнюю над другими родственными семьями“. То же самое мы видим и у шахсевенских ханов и беков, стремившихся породниться с влиятельными родами и тем упрочить свое положение. Так, например, по рассказам одного из ходжабеглинских ханов, Фируз-хана, у него насчитывалось около 200 братьев, родных, двоюродных и других степеней. То же самое явление имеет место и среди других племен. Тот же Гоеже, например, указывает, что: „множество среди бедуинских вождей объясняется политическими причинами, желанием породниться с могущественными родами (ibid., 381). Даже Корнелий Тацит отмечал в своем трактате „О положении, нравах и народах Германии“, что древние германцы „довольствуются одной женой за исключением очень немногих, которым предлагается вступить в несколько браков, но не ради их сладострастия, но вследствие их знатности (для того, чтобы вступить с ними в родственные связи)“ (пер. Е. Нейрих. Одесса, 1867, стр. 23).

ский Рабочий", 109). При этом власть иль-хана всегда узурпируется и сосредотачивается в кругу бекской племенной прослойки.

С другой стороны, в противоположность бекской верхушке (беки и побочные ответвления — бек-заде „бекские сыновья“), существует низовая прослойка шахсевенов, носящая название „хемра“ („спутник“).¹

Эта прослойка возникла следующим образом: во-первых она комплектовалась из членов тех родов, колен и племен, которые в силу тех или иных причин (набеги со стороны враждебных племен, эпидемии, зимние холода, налеты саранчи на пастбища, наводнения и другие стихийные бедствия, связанные с падением скота) приходили в упадок. В общем, можно сказать, что в среднем отдельные шахсевенские кочевые общества редко сохраняли самостоятельность при количестве 30—50 дымов. Такое общество не в силах охранить свой скот и имущество от посягательства грабителей, не в состоянии защищаться против враждебных племен и принуждено так или иначе объединиться с мощным, многочисленным племенем. Если присоединившееся общество в экономическом и военном отношении представляет определенную ценность, то описываемое объединение может принять форму союза или же поглощения одного племени другим, причем вновь образованный таким путем союз, носит одно общее имя, обычно название более мощной племенной единицы. Примеров подобных объединений можно было бы привести множество по самым различным племенам. Ограничимся однако ссылкой на работу по тюркским племенам Н. А. Аристов (Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей... СПб., 1897, стр. 9 и др.). Иногда название такого союза служило выражением тех задач, которые он перед собой ставил, или же применяемой им боевой тактики и стратегии, или, наконец, военной специальности (напр., у монголов, см. В. Бартольд. Образование империи Чингиз-хана. Записки Вост. отд. Русск. арх. общ., 1897, X, вып. I—IV; его же, Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб., 1900, II; Березин — Рашид-эд-Дин и пр.) и военно-административного деления хезар — „тысяча“, аймак и др. См. А. Самойлович. Турецкие и монгольские элементы в населении Афганистана (краткая библиограф. справка). Но может иметь место и иное явление, когда объединяющаяся группа принимается на иных экономических, а следовательно и юридических условиях, превращаясь в „хемра“ („спутников“). Последние, в свою очередь, могут разделяться на более зажиточных, обладающих определенным количеством скота и бедняков, владеющих им в чрезвычайно ограниченном количестве, или вовсе неимущих. Последние шли в пастухи и в бекские дружины.

Другим источником образования слоя „хемра“ служили перешедшие к кочевому образу жизни крестьяне, спасавшиеся от непосильного налогового гнета или бежавшие из обуглившихся развалин своих деревень, сметавшихся непрерывными войнами и внутренними междоусобиями, изгнанные члены других племен, преступники, дезертиры и т. д., а также уцелевшие представители разгромленных племен и оседлых поселений, которым ничего не осталось, как примкнуть к своим победителям. Таким образом здесь имеются элементы вне экономического принуждения, личной несвободы „хемра“. Под влиянием экономических условий, о которых речь будет ниже, шахсевены начинают постепенно оседать на землю, „хемра“ превращаются в простых крестьян — „рейет“, а племенная верхушка принимается усиленно эксплуатировать земли коренного оседлого крестьянства.

К сожалению, те источники, которыми мы располагаем об шахсевенах, почти ничего не говорят о классовом расслоении среди этих племен. Все, что по этому поводу писалось сталкивавшимися с шахсевенами исследователями в подавляющем большинстве являвшимися военными специалистами царской

¹ Тот же процесс происходит и у курдов. См. из ранних работ: Путешествие в Персию известного наполеоновского шпиона Гаспара Друвиля (М., 1826, II, 177).

армии, а потому и подходившими к вопросу с чисто военной точки зрения, может быть отражено следующей цитатой из работы Маркова, посетившего Мугань в конце 1888 г.: „Что касается сословного деления“, говорит Марков, „то все шахсевены делятся на 2 класса: 1) беков и бекских детей (бек-заде) и 2) рабоников, называемых хемра (спутник). Беки и бек-заде составляют привилегированный класс. Они не занимаются никакими работами, не платят податей и считаются хозяевами всего, хотя в некоторых племенах они составляют половину, а иногда и более всего количества душ. Хемра пасут скот и ухаживают за ним, производят все работы, уплачивают все повинности и обрабатывают поля, помещиками коих являются опять-таки беки. Из сего последнего класса исключительно избираются иль-беги и старшины отдельных племен“ (стр. 17).

Указанное положение не представляет какого-нибудь особого пути развития. Такая же классовая структура встречается среди многих кочевых племен, достаточно вспомнить хотя бы деление у туркмен и киргиз на „черную и белую кость“.

Теперь придется коснуться чрезвычайно важного вопроса о том, каким путем шла феодализация шахсевенской племенной верхушки. Что наблюдается в этом отношении у шахсевенов. Как было уже сказано выше, военная организация этого племени предусматривала отдачу львиной доли добычи военачальникам — вождям племени. Совершенно естественно, что это богатство, выражавшееся у кочевников, главным образом, в скоте, достигало у племенной верхушки таких размеров, которые затрудняли прокорм огромных стад. Если шахсевены обладали прекрасными зимними пастбищами на Муганской степи, способной прокормить колоссальное количество скота, то на летних кочевьях дело обстояло совершенно иначе. Шахсевенам приходилось в это время особенно заботиться о прокормлении своих стад и себя самих. Особенно остро ощущала эту необходимость богатая скотом бекская верхушка, которой приходилось находить себе определенную военно-хозяйственную базу. Разумеется, здесь существовало весьма пестрое разнообразие форм. С одной стороны, имело место устройство летовников (как базы запасов зерна для скота и людей), с другой — что крайне важно — мы имеем различные виды порабощения и эксплуатации шахсевенами оседлого населения уцелевшего еще среди политических бурь рассматриваемого периода. Во всяком случае те или другие явления связаны с захватом племенной верхушкой водных источников. Именно в таких местах возникают оседлые или полuosедлые становища, превращавшиеся в военно-хозяйственные базы племенной верхушки (см. ниже пример захвата ходжабеглинцами обильного водой, района селений Берзенд), заготавливались всевозможные запасы продовольствия для людей (дружина) и корм для скота, здесь паслись табуны лошадей, количество которых доходило у некоторых беков до нескольких сот и иногда тысяч. Вместе с захватом воды, племенная верхушка порабощала оседлое население данного района, экспроприируя мало-по-малу крестьянские земли и обращая крестьян в исполщиков. Тийули, выдававшиеся центральным правительством являлись порой лишь „постфактумным“ санкционированием этого порабощения и захвата. Нужды собственных военно-хозяйственных баз являлись одним из решающих факторов толкавших племенную верхушку к захвату земледельческих районов и порабощению местного земледельческого населения. Совершенно очевидно, что в данном случае имеются налицо совершенно иные производственные отношения, нежели внутри кочевых шахсевенских племен. Здесь племенная верхушка выступает в отношении покоренного земледельческого населения в качестве феодалов-землевладельцев. Отношения господства и подчинения здесь определяются захватом территории и присвоением шахсевенскими феодалами земельной ренты. Таким образом, феодализовавшаяся шахсевенская племенная верхушка к доходу получаемому с военных набегов и от скотоводческого хозяйства присоединила еще земельную ренту. Кроме того, хозяйственные земледельческие базы племенной

верхушки послужили также и торговыми центрами. Не зачем повторять слова Маркса и Энгельса о том, что скотоводческое хозяйство чрезвычайно рано вызывает товарно-денежные формы.¹ Совершенно ясно, что феодализировавшаяся племенная верхушка выступает в роли оптовых торговцев скотом. Нередко то или иное племя, в лице своих беков, выступало в роли поставщиков скотом для той или иной провинции, того или иного города. Племена же поставляли скот, лошадей, палатки и пр. нужные для армии товары. В других случаях, когда для армии нужно было то или иное, центральное правительство не останавливалось даже перед переселением целых племен в нужные районы (напр. переселение из Фарса в Савэ при первом Каджаре Ага-Мохаммеде верблюдоводческого племени Гельгу о котором речь будет ниже).

Таким образом, организация земледельческих баз и феодализация племенной верхушки ни в коей мере не означало отрыва ее от кочевого хозяйства своего племени. Совсем нет. Приобретая земледельческую базу, племенная верхушка, в подавляющем большинстве случаев, не оседала. Первыми переходили к оседлости племенные низы, которые, разоряясь, утрачивали мелкий рогатый скот (баранов), являвшийся основным товарным базисом их хозяйства. Обратный переход от товарного хозяйства к натурально-потребительскому (несколько голов крупного рогатого скота на дым), естественно, прекращал надобность в длительных перекочевках, сокращал их радиус и диктовал необходимость к переходу к более высокой хозяйственной форме — к земледелию. Однако, как мы увидим далее, переход к оседлости означал для шахсевенских масс лишь еще большую эксплуатированность, обеднение, нищету и голод. Что же касается племенной верхушки, то она приобретает лишь все большую экономическую и административную мощь, отделяясь и возвышаясь над основной массой племени. Орудием господства ее членов выступают феодальные дружины, которые по словам Корнелия Тацита, „содержатся насилием и войною“ (цит. соч., стр. 20). Роль этих дружин охарактеризована Марксом в „Немецкой идеологии“ (Архив Маркса и Энгельса, I, 255), где он, раскрывая сущность общественной организации феодальной собственности на Западе, указывает, что „иерархическое расчленение земельной собственности и связанная с этим система вооруженных дружин давали дворянству власть над крестьянами“.

Как видно из вышесказанного, среди шахсевенских племен существовало резко-выраженное сословное расчленение общества, которое, с одной стороны, соответствовало иерархическому расчленению феодальной собственности, а с другой — заменяло недостающее здесь разделение труда, имевшее место лишь в очень незначительных размерах. Указанное резко-выраженное сословное расчленение среди шахсевенов неотделимо от сложнейшей иерархической лестницы феодальной зависимости, основанной на величине земельного и пастбищного владения, количестве вассалов в деревне и подчиненных членов племени в кочевой степи, силе дружины и т. д. Интересен тот факт, что такая иерархия существовала и между отдельными племенами. Мы имеем, с одной стороны, такие примеры, когда одно племя платило дань феодальной верхушке другого, более сильного племени, с другой стороны, можно наблюдать иные факты, когда сбор правительственного налога с данного племени осуществляется другим племенем. Можно легко себе представить какие блага извлекала при этом для себя ханская верхушка победившего племени. Нередко такие отношения возникали на основе захвата сильным племенем пастбищных и других территорий слабых соседей, которые или изгоняются из районов, или, как указывалось уже выше, бывают принуждены слиться с захватчиками. Так, например, читаем мы в одном неопубликованном отчете, „общество Габалу, слилось с Ходжа-Ходжалу, с ним кочует, причем глава последних платил за них пра-

¹ См. „Кпитал“, т. I, ГИЗ, М., 1928, стр. 45.

вительственную подать. В подобном же положении находится общество Хала-флу по отношению общества Муганлу¹.

Поворотным пунктом явилось для шахсенов заключение в 1828 г. Туркманчайского трактата, навязанного Россией Персии, в силу которого вся Муганская степь перешла к России. Хотя еще в 1813 г. со времени Гюлистанского мира, последняя получила часть степной территории, все же это право было чисто формальным и на деле никак не осуществлялось. Шахсенам разрешалось попрежнему кочевать на Мугани, но с тем только, чтобы и русско-поданные кочевники бывшего Тальшинского ханства, в свою очередь, пользовались правом свободного перехода на летние месяцы на персидскую территорию. С 1828 г. положение резко изменилось и царское правительство энергично принялось закреплять завоеванные позиции, тем более, что это совпадало с усиленным оседанием кочевников русско-поданных, которым вследствие перехода к земледелию и разведению крупного рогатого скота почти уже не требовалось пользоваться летними пастбищами в пределах Персии. Между тем персидское правительство обратилось к кавказскому начальству с ходатайством о дозволении шахсенам приходить, по исконному их обычаю, на Муганскую степь перешедшую теперь во владение России. До того времени степь входила в территорию подвластных Персии тальшинских ханов, которые взимали с шахсенов за право пастбы известную подать под названием „чуб-баши“ или „чѣп-баши“¹.

Ввиду этого персидское правительство предложило уплачивать царскому правительству за зимние кочевья шахсенов 2000 руб. серебром в год. Однако, с уплатой этих сумм происходили многие затруднения и вскоре платежи совершенно прекратились.

Установление русского владычества в Закавказье и последовавшее усиленное заселение новых богатых земель русскими переселенцами, главным образом сектантами, и параллельное оседание кочевавших в русских пределах племен на землю сильно отразилось и на шахсенах. Колонизация Закавказья означала для последних усиленный рост проникновения в их среду товарно-денежных отношений, явившихся следствием закрепления их экономических связей с русским Закавказьем. Вот как описывает этот процесс Вл. Марков, довольно продолжительный срок проживший среди шахсенов (см. Шахсены на Мугани. Историко-этнографический очерк. Приложение к 1 вып. XIV тома Записок Кавказского отд. Русск. геогр. общ.):

„Расположившись и устроивши свои кочевья на всю зиму на Мугани, шахсены по временам с верблюдами и вьючным скотом отправлялись обратно в свои селения в Персию, где забирали хлеб, муку, пшеницу, рис и ячмень и привозили их в свои кочевки для собственного прокормления (1/4 часть шахсенов оставалась на местах по деревням в Ардебильской провинции и занималась хлебопашеством, как для себя, так и для остальных членов кочевников общества). Такие поездки на родину были вполне необходимы для шахсенов, ибо при всем желании, они не были в состоянии сразу поднять и перевезти шестимесячную порцию хлеба для себя и ячменя для лошадей. Но независимо от этого подвоза, они часто бывали принуждены прикупать еще хлеба у наших жителей, особенно в неурожайные годы в Персии. Привозимый хлеб в зерне перемалывался ими на наших мельницах, расположенных на Араксе, в Талышах и на двух мельницах в Белясуваре.

Затем, во все время зимней кочевки, шахсены посещали наши базары, а именно: карадонлинский, джеватский, абдульянский, сальянский, масалинский и асулинский, где продавали свои изделия: войлоки, паласы, джиджимы, ма-

¹ Чѣп-баши — денежная плата за летние и зимние пастбища. Происхождение термина довольно туманно. Чѣп по-тюркски значит „трава“, баши — „голова“. Таким образом здесь, повидимому, прилагательное чѣпбаши — глава, распорядитель травой, пастбищами, ханский управляющий, чиновник которому вносился пастбищный сбор.

фраджи, сырые кожи, овчины, шерсть, масло, сыр, а равно и рогатый скот, лошадей, баранов, овец, коз, верблюдов, причем продажа и покупка производилась ими без оплаты какой-либо пошлины в пользу казны" (стр. 24).

Так, постепенно, крепились экономические связи между шахсевенами и русским Закавказьем. Однако, наряду с указанными процессами имели место чрезвычайно бурные события, вследствие того, что кавказское начальство после договора 1828 г. ограничило кочевки шахсевенов лишь той частью Муганской степи, которая входила прежде в состав Талышинского ханства, предоставив Ширванскую часть ее в пользование кочевников русско-подданных. Совершенно естественно, что подобное сокращение пастбищных территорий вызвало противодействие со стороны шахсевенов, совершавших набеги на шахсевенскую степь, вступая с кочевывшими там русско-подданными племенами в ожесточенные схватки из-за обладания пастбищами. Несмотря на то, что с течением времени, вследствие оседания кочевников русско-подданных разделение Мугани на Ширванскую и Талышинскую прекратилось и вся степь была предоставлена шахсевенам, последние вступили в конфликт с расположившимися вдоль рр. Аракса, Куры и Акуши оседлым населением, состоявшим, главным образом, из перешедших в русское подданство кочевников бывшего Талышинского ханства, а также из мало-по-малу выроставших и быстро богатевших поселков выходцев из России — сектантов: молокан, субботников, прыгунов и т. д.

Колонизация Закавказья все более обостряла отношения между кочевниками шахсевенами и оседлым земледельческим населением в силу того, что интересы этих двух слоев отличались полной противоположностью. При передвижениях кочевников совершенно неизбежна порча полей оседлого населения, что равносильно для последнего разорению. Посетивший Шахсевению в 1889 г. крупный военный специалист Л. К. Артамонов констатирует, что „самым страшным бичем для земледельца являются потравы кочевников, иногда вынуждающие жителей бросать насиженное место и искать хотя и худшего, но более покойного“ (Северный Азербайджан. Тифлис, 1890, стр. 442).

Кроме того, оседлые поселения подвергались прямым нападениям со стороны шахсевенов, стремившихся посредством грабежей и угона скота улучшить свое материальное положение.

До сих пор даже в нашей советской литературе существует нелепое мнение будто кочевник грабит только потому, что он от природы „дик“, „необуздан“ и „воинственен“. На самом же деле все эти явления объясняются экономическими причинами. Уже И. Ф. Блаرامберг, в своем „Статистическом обозрении Персии“, составленном в 1841 г. (стр. 1853), указывая на то, что у кочевников богатым считается тот, который имеет 1000 баранов, 20 верблюдов и 55 лошадей, причем у некоторых членов племенной верхушки это количество доходило до 4000 баранов, 5000 верблюдов, 10 000 лошадей, заявляет, что „подобное богатство теперь редко; вообще иляты обеднели в последние 10 лет, по причине войны, чумы и разных притеснений со стороны персидских правителей“ (стр. 201). Действительно, шахсевенам пришлось в зимы 1829 г. и 1845 г. испытать ужасающие стихийные бедствия, сильно подорвавшие их экономическое благосостояние: на Мугани выпал снег глубиной в аршин, от него погиб почти весь скот (газ. „Кавказ“, 1872, № № 1, 11, 37, 45).

Совершенно естественно, что шахсевены пытались улучшить свое пошатнувшееся экономическое положение, путем грабежа и угона скота у оседлого населения и кочевников чужих племен.¹

¹ Любопытно, что грабежи шахсевенами оседлого населения вызвали к жизни целый ряд новых общественных отношений и даже профессий. Таковой явилась, например, профессия „муштулукчи“ (буквально человек, приносящий хорошие известия), т. е. сыщиков. Обязанностью последних было разузнавать, где находится украденное имущество и указывать его хозяину, с которого за это взималось вознаграждение, нередко весьма значительное, порою простиравшееся до половины стоимости украденного имущества. Грабежи породили также так называемое „гирау“

Персидское же правительство не только не принимало никаких мер к ликвидации подобных набегов, но, наоборот, даже способствовало им. Причинами тому были, во-первых, те выгоды, которыми пользовались от этих набегов персидские власти, вплоть до губернаторов Азербайджана, получивших с атаманов через племенную верхушку богатую долю добычи. Кроме того, шахское правительство не препятствовало шахсевенским набегам, стремясь не допустить оседания. Тому были причиной неуверенность в своей политической долговечности укрепившейся при помощи русского царизма Каджарской династии (по ст. седьмой Туркманчайского договора Россия утвердила престолонаследие за каджарами) и вытекавшее отсюда стремление иметь под руками определенную вооруженную силу; на оседлое население в военном отношении рассчитывать не приходилось. Такой силой в Северной Персии единственно являлись шахсевены, из которых рекрутировался значительный контингент шахского конвоя и телохранителей наследника престола, занимавшего в то же время пост наместника Азербайджана. Позднее, главным образом из шахсевенов же, была сформирована знаменитая персидская казачья бригада, игравшая столь реакционную роль во время революции 1906—1911 гг. Другим мотивом, побуждавшим шахское правительство оказывать препятствие переходу шахсевенов к оседлости, являлась боязнь возможности присоединения богатой Азербайджанской провинции к России. Опять-таки и здесь, учитывая полную боевую негодность персидской армии, единственной вооруженной силой являлись кочевники-шахсевены.

Указанное положение на русско-персидской границе, при непрекращающихся набегам и грабежах шахсевенов побудило кавказских властей принять самые решительные меры к точному разграничению их кочевых территорий. По распоряжению шемахинского военного губернатора барона Врангеля, в 1849 г. проведена и обозначена соответствующими знаками черта, за которую шахсевенам не дозволялось переходить и которая составляла между кочевками последних и берегами рр. Куры, Аракса и Акуши пространство не менее чем 7 верст, охватывая площадь около 2 тысяч кв. верст. Кроме того, шахсевенам были точно указаны пункты для прогона их скота на водопой и к указанным рекам.

Параллельно с сокращением пастбищных земель шахсевенов, наблюдается быстрое укрепление феодальной племенной верхушки и смычка ее с правительственной администрацией. Одним из характерных моментов подобной смычки является отдача права взимания кочевого налога на откуп одному из беков племени. С другой стороны, экономическая мощь бекской верхушки значительно усилилась еще тем, что шахсевенские иль-беги и беки пользуясь тем, что племенная масса не знала об отмене описанного выше налога на пастбища („чѣп-баши“) продолжала взимать его в свою пользу, непрерывно увеличивая его цифру, так что вначале 1840-х годов „чѣп-баши“ доходил до 1 тумана (3 рубля серебром) с кибитки за зиму.

Сокращение (вследствие распоряжения 1849 г.) шахсевенских зимних пастбищ, вызвало, естественно, бурный процесс экспроприации последних бекской верхушкой. До этого времени пастбищной земли было более чем достаточно и она не представляла такой ценности, теперь же с сокращением зимних кочевий ценность этих угодий возросла во много раз.

Наряду с процессом захвата пастбищ бекской верхушкой наблюдается также сдача их в аренду пришлым кочевникам¹ („кясм“, „мишрифти“ у курдов.

(залог), заключающийся в том, что ограбленный, тщетно отыскивая свое имущество, отбирал каким-либо образом у подозреваемого им в воровстве скотину, одежду, оружие и пр., и не возвращал до тех пор пока не получал удовлетворения. Легко можно себе представить к каким столкновениям приводил этот сложный переплет отношений.

¹ Принятие кочевниками-шахсевенами на выпас скота оседлого населения было широко распространено в Ардебильской провинции и в других районах.

см. Бюллетень Прессы Ср. Востока, № 13—14 за 1922 г. „Заметки о курдах“, а также в словаре Зелинского, приложенном к „Своду материалов по экономическому быту гос. крестьян Закавказья“. Тифлис, 1889). Вот как описывает эти процессы бывший комиссар—посредник по делам шахсевенов Н. Огранович („Муганская степь“, газ. „Кавказ“ от 5(17) ноября 1872 г. № 130 и от 8 (20) декабря № 144; см. также его статью в „Кавказском Календаре“ на 1871 г. Тифлис, 1870, XXVI, 2, 68—84):

„Вслед за подобным распоряжением (т. е. запрещением 1849 г.) эльбегии беки немедленно разделили Мугань на „кишлаги“ и обозначили их границами (кишлагов таких образовалось до 800). Окончив этот раздел, эльбеги и беки стали уже продавать (автор хочет сказать сдавать в аренду) кишлаги как своим подвластным, так и подкочевывающим зимою от Персии халхалцам, серабцам, курдам гергерудцам, ардебильцам и даже афшарам из Хамаданской провинции. Этого мало, эльбеги и беки до того захватили в свои руки власть над кишлагами, что при ежегодных перекочевках шахсевен на Мугань заранее распределяли уже—кому на каком кишлаге дозволялось кочевать, закрепляя этот захват за собою письменными приказами, выдаваемыми на право кочевки. Если же кто осмеливался произвольно занять кишлаг и производить потраву, то с них срывали двойную, а иной раз и тройную сумму взыскания столь же произвольного оброка,

В начале цены на кишлаги колебались между 15 и 40 рублями, но зато в конце 1860 г. цены эти возросли до 40 туманов (около 120 руб. сер.).

Вследствие такой стеснительной обстановки, шахсевенцы, конечно беднейшие из них, приходя на Мугань, заранее искали свободных кишлагов у наших жителей, нанимая их как у кочующих, так и по деревням, в особенности у русских поселян, с обществами которых они заключали письменные условия и оставались на этих кишлагах до конца марта месяца. Многие из подобных бедняков даже пристраиваются к нашим кочевникам, вступая с последними в родственные связи, а некоторые весьма охотно служат пастухами у наших старшин и зажиточных кочевников, отправляют даже другого рода обязанности и службу ради одного прокормления своего скота и баранов.

Следовательно, если выключить часть шахсевен, нанимающих у наших кочевников зимние пастбища, то, собственно, за 800 кишлагов на Мугани эльбеги и беки получали ежегодно за 6 зимних месяцев 24 тыс. рублей серебром, полагая минимум платы за кишлаг 30 рублей, а если взять в соображение период времени с момента обведения границ, т. е. с 1843 г. по днесь [1872 г.], то выходит, что эксплуататоры заручились на худой конец $\frac{1}{2}$ миллионом безгрешного дохода“.

Приводя далее цифры аламанских набегов шахсевенов, значительный процент добычи которых шел в пользу племенной верхушки (с 1849 г. по 1872 г. насчитывалось до трех тысяч крупных жалоб на убытки со стороны русско-подданных на сумму 400000 руб., из коих $\frac{3}{4}$ остались без всякого удовлетворения), Огранович восклицает: „так если принять в соображение и эти обстоятельства, то сумма, добываемая эксплуатацией эльбегов и беков должна быть размеров колоссальных“.

Все меры кавказских властей по ограничению шахсевенских кочевков, в большинстве случаев, не достигали своей цели, так, по утверждению Маркова: „проведенная шемахинским военным губернатором черта не соблюдалась, и шахсевены постоянно переходили за эту границу, нарушая ее и притом еще особенной формой, заключившейся в следующем: некоторые из шахсевенских племен стали продавать все свои кишлаги и затем захватывать силой земли наших жителей расположенные по рр. Араксе, Куре и Акуше. Случалось даже, что шахсевены, захватывая по Куре и Акуше земли наших жителей вновь продавали и эти захваченные ими земли. В неурожайные же годы шахсевены продавали право пользования своими пастбищами местами в уездах Джеватском

(в Мильской степи) и Ленкоранском (Себидаджском приставстве) нашим подданным, выходявшим из названных уездов, по весьма дорогим ценам, доходившим иногда до 150 руб. за зиму за каждый кишлаг. Кроме того приводя с собой из Персии на Мугань разных персидских кочевников из Сераба, Соуч-булага, Урмии, Хоя, и даже из Хамадана, шахсевены продавали и им как свои, так и захваченные ими кишлиги" (цит. соч., 26).

По другим данным, к шахсевенам, движимым поисками удобных пастбищ, присоединялись, на положении подвластных бекам и ханам, другие мелкие племена не только из Персии, но даже из Турции. Показательно, что с 1813 г. по 1872 г. количество кочевавших на Мугани шахсевенов увеличилось с $3\frac{1}{2}$ тыс. кибиток (6 обществ) до $12\frac{1}{2}$ тыс. (48 обществ). Кочевники ежегодно приводили с собой на Мугань разного скота — верблюдов, лошадей и баранты, — более 2 млн. голов.

Сокращение пастбищной площади и повышение ее ценности, связанный с этим захват пастбищ племенной верхушкой и обогащение последней имело также следствием усиление бекского и ханского слоя как „оба-баши“ — глава кочевой общины.

О социальной сущности общины („оба“) было подробно сказано в цитированных уже „Заметках о курдах“,¹ а потому мы ограничимся здесь лишь самыми краткими замечаниями: „оба“ или „джом“ (группа палаток, кочевье, становище) представляет кочевую общину, обычно из 8—20 шатров, подчиненную главе, обычно одному из самых богатых членов данной племенной группы. „Оба-баши“ или „джом-баши“ платит за пользование пастбищным участком для всей общины, нанимает и содержит пастухов. Члены общины платят за это оба-баши ягнятами (обычно 4—5 со 100). Чистый доход оба-баши никогда не ниже половины затраченной им на указанные расходы суммы. Иногда оба-баши несет последние с одним или несколькими компаньонами, соответствующим образом деля прибыль.

Иногда оба образуется на паевых началах, когда каждый скотохозяин уплачивает свою долю за наем пастбища, пропорционально числу голов принадлежащего ему скота.

В основе образования кочевой общины лежат, повидимому, два главных связанных друг с другом фактора: совокупность условий удобства пастбища скота и защита от нападений враждебных племен.

Иногда оба совпадает с шахсевенским родом „очаг“, иногда 2 или несколько родов соединяются вместе, иногда же оба совсем не совпадает с родом, объединяя членов разных родовых групп, кланов, и племен, соответственно с их экономическими интересами.

Следует попутно отметить, что среди некоторых товарищей почему-то существует взгляд, что оба фигурирует, в лучшем случае, только у курдов, а в худшем — имела когда-то значение лишь у закавказских и, совсем минимально, у турецких курдов.

На самом деле, кочевая община встречается среди целого ряда племен, но переживает, в зависимости от социально-экономических условий, различные видоизменения. Ограничимся ссылкой на туркмен (см. А. Борнс. Путешествие в Бухару.... М., 1843—1849, III, 35 и 41) и киргизов. У последних кочевая община носит название „котан“. А. Букейханов пишет: „выходя весною на летнюю стоянку, киргизы соединяются в аулы, аул состоит, следовательно, или из кстау (поселок), или из нескольких, соединившихся вместе по хозяйственным соображениям для найма пастухов, охраны покосов, взаимного обмена рабочим скотом во время кочевки и т. д. такой летний аул носит название „котан“.

¹ См. интересную работу В. Г. Тардова. Основные черты производственных отношений у племен Персии (Материалы по над-колониальным проблемам. Сборник НИАНКП, М., 1933, № 3 (9), стр. 126—172). Об „обе“ см. стр. 155—161.

Понятно, что в создании „котана“ важную роль играет общность летних водопоев и пастбищ¹ (Киргизы. Сборник. „Формы нац. движения“, стр. 384).

О курдской „оба“ существуют сведения даже по таким отдаленным районам, как напр., Бохтан и Захо (J. Shiel. Notes on a journey from Tabriz through Kurdistan.... Journ. of the R. Geogr. Soc., 1838, VIII, 54—101).

Об обе в условиях коллективизации сельского хозяйства у советских курдов Закавказья см. хотя бы главу „Oba kolchoze“ („оба-колхоз“ на стр. 40 книги „Ronai.... I. Maragulov; R. Drambjan. Эривань, 1931).

Значительный свет на вопросы кочевой общины пролило бы повидимому, пристальное изучение родовых „тамг“, которыми кочевники клеймят свой скот и изображают часто на скалах и деревьях, указывая границы каждого племени.

К сожалению, шахсевены с этой стороны совсем не исследованы, в отличие от других племен, по которым имеется ряд ценных сведений (см. напр. Козин. „О турецких тамгах“. Записки Одесск. общ. истор. и древн., т. 15; Фелицин. Сборник тамг. Отчет о северо-кавказской экспедиции. Изв. ГАИМК; работы А. А. Миллера и др. По клеймам (васм) арабских племен, см. Goeje — Ethnographie de l'Arabie „Encyclopédie de l'Islam“, 1913, I, 381; Andree, Richard. Die Eigentums zeichen der Naturvölker, „Globus“, 1881, 40, 310; Conder, C. R. Arab tribe marks (ausam) „Palestine Exploration Fund“, 1883, p. 178—180).

Возвращаемся к положению на русско-персидской границе, где положение несколько не улучшилось от назначения русского и персидского пограничных комиссаров,¹ грабежи не прекратились, а наоборот, усилились. Одной из основных причин этого является непрерывно растущий зажим основной племенной массы со стороны своей бекской верхушки и местных властей. Последние, „пользуясь тем, что подробной росписи количества податей, долженствующих быть вносимыми каждым шахсеном не существует, взымали с кочевников втрое или вчетверо более поступающей в казну суммы, за каковою целью прибегали, например, к следующему приему: обыкновенно раскладка и самый сбор податей производился в присутствии особых чиновников — мухассилей, высылаемых правителем Ардебилля, каковые, принимая подати, уклонялись от выдачи надлежащих расписок. Взыскиваемые таким образом деньги, ардебильские власти выставляли в отчетах, отдаваемых ими главному азербайджанскому начальству, как недополученными, причем причиною невзноса этих сумм кочевниками выставлялись неурожай, падеж скота и т. п. Вследствие этого, немедленно высылались из Тавриза мухассили для взыскания мнимых недоимок и начинались с шахсенов новые поборы, которые увеличивались еще при каждой перемене ардебильского губернатора. Наконец мухассили сами по себе причиняли населению материальные убытки, так как жили со всеми своими слугами и лошадьми на счет тех лиц, к которым приписывались, и, кроме того, взыскивали в свою пользу так называемое вознаграждение за службу „хидметанэ“, доходящее иногда до весьма значительных размеров. (Марков, цит. соч., 30).

У Масловского (Изв. штаба Кавк. воен. окр., 1914, № 37, 7) встречается яркое описание выкачивания податей из шахсенов. Он пишет: „Наиболее обычный способ следующий, намереваясь собрать подати с какого-либо имущества, губернатор начинает входить в дружественные отношения с несколькими, соседними первому, обществами, и в то же время стремится поселить между первым и последними вражду, часто сам искусственно создавая прецедент; достаточно обострив отношения между ними, пользуется вооруженными силами дружественных обществ для выколачивания податей с намеченного общества, прибегая в случае крайности к активным действиям. Собрав подати с этого обще-

¹ Характерен тот факт, что персидское правительство не имело средств оплачивать в достаточном размере своего пограничного комиссара, который жил на проценты (5 и до 10%) с оконченных дел. Естественно, что такое положение могло привести лишь к неограниченному взяточничеству и злоупотреблениям.

ства, он тотчас начинает искать случая примирения с ними, искусно пользуясь создающейся или им самим создаваемой обстановкой, почти всегда находит этот случай, а примирившись, пользуется уже этим обществом для сбора податей с прежних друзей, чему много помогает желание обиженного общества отомстить последним за оказанную ими помощь губернатору против него".

В настоящее время поступают еще проще, выколачивая подати из племен, путем применения силы штыков.

„Нередко, продолжает Марков (цит. соч., 30—31), местные власти пользовались и нашими требованиями для своего обогащения, взыскивая с ответчиков деньги и оставляя их в свою пользу.

При продаже местными жителями нашим купцам значительного количества рогатого скота, ханы-помещики требовали уплаты в свою пользу особой денежной пошлины, помимо той, которая обыкновенно взыскивается персидскою таможеню. В тех случаях, когда продавцы и покупатели исполняли требования ханов, продажа и покупка не возбуждалась, но если покупщики и продавцы почему-либо отказывались от уплаты требуемого налога, тогда ханы спешили сообщить нашему консулу, что в их владениях появилась в рогатом скоте прилипчивая болезнь, что вызывало с нашей стороны распоряжения о не-пропуске из Персии скота в наши пределы. Между тем, в сущности, никакой болезни в скоте не существовало. Спустя некоторое время те же владельцы-ханы, получив известную сумму денег от владельцев скота, а иногда и сами, пользуясь запрещением для скупки скота по дешевой цене, сообщали консулу, что болезнь прекратилась".

Другим фактом, усилившим набеги шахсевенов, явился ряд стихийных бедствий. О губительных зимах 1829 и 1845 гг. было уже упомянуто выше. В 1859 г., названном кочевниками „границь“ (год погибели), при холодах выпали проливные дожди, вызвавшие повальный падеж скота. Но самыми роковыми для шахсевенов годами явились 1871 и 1872 гг., когда „холера и бывшие летние засухи (а на Мугани суровые зимы) причинили шахсевенам и их имуществу капитальный ущерб — погибла почти половина их достояния, как-то: рогатого скота, верблюдов, лошадей, баранов и овец, особенно последних пало много — почти две трети... Третья часть шахсевен-домохозяев дошла до нищеты, много умерло с голоду и от холеры, часть же разошлась в разные селения Ленкоранского, Джеватского, Шемахинского и Шушинского уездов для приискания себе пропитания, где и основала свою оседлость“¹ (П. Огранович. Провинции Персии Ардебильская и Серабская. Записки Кавк. отд. Русск. геогр. общ., 1876, X, 1, 201). В газ. „Кавказ“ № 144 от 8 (20) декабря 1872 г. сообщается, что „богачи-кочевники, которые имели по несколько тысяч баранов, в данное время едва насчитывают несколько сотен, о рогатом же скоте и говорить нечего — весь скот положительно пал“.

Совершенно естественно, что подобное положение только усилило грабительские набеги обнищавших шахсевенов. Не помогали даже карательные экспедиции персидского правительства, предпринятые вследствие усиленного нажима царских чиновников. Так, в 1871 г. имела место экспедиция против ходжабеглинцев. Деревня их, Берзена, была сожжена и имущество конфисковано на удовлетворение жалобщиков, но не без того, чтобы львиная доля не прилипла к рукам государственных чиновников и власти.²

¹ Вместе с тем все это влекло за собой оседание кочевников там, где это позволяли естественные условия (напр., сравнительная легкость ирригационных сооружений и пр.). К этому времени относится переход к оседлости такого племени как Талыш-Микейлу, насчитывающего более 200 дымов.

² В 1857 г., вследствие настояний царского правительства, ходжабеглинцам Нурулла-бека было воспрещено, за разбой и грабежи появляться на Мугани. Нурулла-бек стоял во главе 5 главных дымов, предводительствуемых пятью влиятельными беками, у каждого из которых по сведениям газ. „Кавказ“ (№№ 82 и 85 за 1872 г.) было „по 6 и более сыновей, взрослых, которые

Между тем, царское правительство, оценив колоссальное значение Муганской степи как крупной сырьевой базы для русской промышленности, начинает подумывать о том, чтобы окончательно запретить туда доступ шахсевенам.

Уже в 1872 г. газ. „Кавказ“ от 8 (20) декабря заявляет: „Почва Мугани и климатические ее условия благоприятствуют водворению полной оседлости. Центр Мугани, пустынный по случаю его безводья, может назваться очень пригодным для развития сельскохозяйственной деятельности и мануфактурной промышленности, еслиб только на них обратили внимание“. Разбирая возможности восстановления ирригационных сооружений на Мугани (там сохранились следы древних, чрезвычайно совершенных по своему оборудованию построек) та же газета восклицает: „В конце концов, да позволено будет присовокупить, что нужно быть близоруким, чтобы не видеть тех богатств Мугани, которые она в состоянии воздать тому, кто не поскупится приложить свои труды и капитал на восстановление систем каналов. В подтверждение сказанному, можем привести живой доказательный факт, имеющийся на наших глазах — это Караязская степь. Стоит только провести воду на Мугань, как не замедлит возродиться хлебопашество, рисовые плантации, хлопок, марена, шелковичные сады и пр.“.

„Мы смело можем утверждать“, писал в 1890 г. другой царский агент, Марков, „что с воспреещением шахсевенам перекочевывать на Мугань, этой обширной части Бакинской губернии предстоит лучшее будущее: с улучшением путей сообщения до окраины самой Мугани, она возделается на всем своем протяжении и покроется хлебопахотными полями и насаждениями хлопчатника. Потребные для этого великого дела капиталы вовсе не столь громадны, как бы казалось с первого взгляда“.

Вследствие указанных причин кавказские власти всячески стремились перевести кочевников — русско-подданных на оседлое положение, в то же время запрещая им откочевывать летом в персидские пределы (окончательное запрещение последовало в 1884 г.). Особенно больших затруднений последнее не представляло, так как контингент указанной категории кочевников непрерывно сокращался, а потому принадлежащий им скот мог быть легко переведен на летние пастбища на русской территории. Кроме того, чтобы вовлечь их в колонизаторские планы русского царизма, им могли быть предоставлены при найме пастбищ определенные льготы, тогда как в Персии им приходилось, по установленному исстари обычаю платить шахсевенским и другим ханам по 50 руб. за прокорм 500 баранов и 100 голов крупного скота. Существовал еще целый ряд предпосылок к скорейшему переводу этих кочевников на оседлость. Вот, что пишет чисто по-колонизаторски по этому поводу Марков: „Строго говоря, кочевники Бакинской губернии не могут считаться кочевым народом, вовсе не знакомым с условиями и хозяйством оседлой жизни подобно туркменам и киргизам. Напротив, перекочевывая на лето в Персию, они в то же время занимаются хлебопашеством на своих зимовниках. Кроме того, они не особенно нуждались в летних пастбищах не только потому, что скотоводство не составляло их единственного промысла, но и потому, что они очень мало занимались

в свою очередь, окружили себя свитой из 10, 20 или более нукеров — по преимуществу из беглых от разных обществ шахсевен и иных бродят“. Лишившись зимних пастбищ, Нурулла-бек захватил деревню Берзенд в ущельи Хурузлу-дага на караванной дороге Ардебиль — Белясувар. Занятый район, отличаясь обилием воды и чрезвычайной плодородностью, служил прекрасной хозяйственной базой для ходжабеглинцев, совершавших отсюда нападения на караваны и облагавших их податью. Кроме того, они взимали дань с проходивших по той же дороге осенью и весной на Мугань других шахсевенских племен, выбирая лучших лошадей, верблюдов и баранов. Эти поборы приводили к непрекращающимся схваткам и стычкам, где ходжабеглинцы всегда оставались победителями. Сверх указанных источников дохода, они совершали непрестанные набеги на окружающие деревни, нападая даже на селения Шулинского и Ленкоранского уездов на русской территории.

воспитанием своего собственного скота. Обыкновенно они распродавали весь свой скот весной, а осенью вновь закупами таковой в Персии, приводя его обратно в пределы Бакинской губернии, без оплаты пошлины, под видом скота, ими выращенного. Таким образом, их скотоводство — в сущности весьма прозрачно прикрытая контрабанда и удобное средство для сбыта краденого скота. Пребывая значительное время года в Персии, заводили прочные связи с тамошними разбойниками и ворами и помогали им грабить и разорять беззащитное население“.

В целях разрешения шахсевенского вопроса, на Мугань был командирован русский генеральный консул в Азербайджане Э. Кребель. Последний в донесении 28 февраля 1879 г. за № 71 предлагал подчинить шахсевенов во все время пребывания их на Мугани жесткому режиму исключительно русских властей, либо совершенно запретить им доступ в степь. Однако, кавказская администрация нашла последнюю меру преждевременной, ибо „внезапное лишение возможности пользоваться муганскими пастбищами не замедлило бы повлечь за собою гибель скота кочевников, а следовательно привело бы их к окончательному разорению. В случае запрещения шахсевены силою вещей были бы вынуждены искать средств существования в грабежах и, вместо сплоченного кочевого населения, на нашей границе появилось бы множество разбойничьих шайек, против которых России было бы еще труднее защищать свое пограничное население. И персидское правительство было бы не в состоянии привести эту меру в исполнение в скором времени“ (Марков, цит. соч., 38).

Но и первая мера — подчинение шахсевенов контролю исключительно только русских властей также оказалась паллиативом. Тот же Марков замечает: „Хотя бы подчинение шахсевен нашим полицейским властям и являлось вполне необходимым, но мера эта, однако, была сопряжена с немалыми затруднениями. Шахсевены далеко не все перекочевали на Мугань, а потому нашей власти в течение 6 месяцев могла быть подчинена только часть их, а именно до 6 тыс. семейств. Другая же часть, в числе 17 общин, должна была бы оставаться в постоянном ведении персидских властей, и границей между теми и другими служила бы кордонная линия, каковая при своем составе и по малочисленности на постах казаков не в силах была бы прекратить сношения кочевников. В свою очередь, иль-беги и персидские власти, будучи лишены значительных денежных доходов в свою пользу, не преминули бы обременить тяжелыми поборами те общества, которые останутся в пределах Персии, чем вынудили бы многих кочевников врываться шайками на Мугань с целью грабежа, что повлекло бы за собою возникновение между нашими и персидскими властями пререканий и количество жалоб увеличилось бы до бесконечности“ (цит. соч., 40).

Тем не менее, эта паллиативная мера была все-таки проведена в жизнь, несмотря на противодействие персидского правительства, с одной стороны, извлекавшего из шахсевенов значительные доходы, а с другой — видевшего в подчинении их России один из этапов захвата последней Азербайджана.

В течение ряда лет кавказские власти вели планомерную подготовительную работу по удалению шахсевенов из русских пределов и, наконец, после наделения пастбищами соответствующих русско-подданных кочевых племен и ряда других экономических и политических мероприятий, в силу которых Россия почувствовала себя достаточно твердо закрепившейся в Закавказьи, 25 октября 1884 г. последовало согласованное с шахским правительством запрещение шахсевенам перекочевывать на русскую Мугань. Лишенные своих пастбищ, шахсевены делали попытки прорваться; весной 1885 г. в русские пределы неожиданно вторглось до 716 шахсевенских кибиток, удаление которых потребовало срочной мобилизации 5 казачьих сотен. Теперь русский империализм мог торжествовать, возглашая устами одного из своих верных слуг: „Таким образом, в настоящее время, когда персидские кочевники навсегда

удалены из наших пределов, России предстоит пожинать плоды своего территориального приобретения по Туркманчайскому трактату с Персией, и с этой целью ей следует обратить особое внимание на разбросанные по всей Мугани каналы и с помощью ирригации превратить эту почти безводную равнину в одну из богатейших житниц Закавказского края" (Марков, цит. соч., 62).

Запрещение 1884 г. явилось для шахсевенов жесточайшим ударом. Они оказались запертыми со своими стадами на ограниченном пространстве персидской Мугани. Между тем, не менее как одна треть последней, — вся южная ее часть, является весьма мало пригодной для зимних кочевков, так как состоит из глинисто-каменистых отрогов Талышинских и Саваланских гор, большей частью лишенных кормовых трав или же покрытых только полынью и верблюжьей колючкой. Грунт в этой части кочевков или скалистый, или красно-глинистый, годный, пожалуй, для произрастания хлебных злаков, но лишь при обильном орошении, тогда как в этих районах повсюду ощущается недостаток в воде.

По отзыву Л. К. Артамонова (поездка 1889 г.), „по закрытии для шахсевенов русской границы они, по собственному признанию, попали точно в котел: кочевать — для всех места не хватает, к оседлости и земледелию не чувствуют склонности и даже с презрением относятся к мысли об оседлом поселении где-либо в пределах своих кочевков, так как если и встречаются здесь небольшие пространства, годные для культуры, они требуют тяжелого труда и больших затрат для устройства искусственного орошения. Переселяться же из этой провинции шахсевены решительно не желают, и слабые попытки персидского правительства в этом направлении, сделанные под нашим настоянием, не привели ни к чему" (цит. соч., 456).

В долине Дараяурт-чая, где ежегодно зимовало до 1½ тыс. дымов, корма для скота было крайне мало; еще верблюды и овцы кормились кое-как растущей здесь колючкой, которой тоже немного, а лошади были обречены на голод, вследствие полного отсутствия сена, которое заменяется здесь сухими камышевыми листьями и крайне плохим саманом из просяной соломы, запасы ячменя, покупаемого кочевниками у оседлого населения, также чрезвычайно быстро истощаются. Все это привело, между прочим, к исчезновению прекрасной породы шахсевенских верховых лошадей, сохраняющихся лишь у ханов и беков.

Отсутствие корма вызывает к весне мор среди скота. Л. К. Артамонов так передает рассказ об этом одного из казаков-пограничников: „Каждый день, а то и по ночам идет у них перестрелка: из-за мест дерутся. Прошлый год зима была тяжелая, корма плохие и стравили их скоро. Скот еле двигался, а под конец зимы весь ихний берег укрыли дохлые бараны" (цит. соч., 450).

Борьба за пастбища между варившимися в собственном соку в течение всей зимы и почти до конца апреля месяца на ограниченном пространстве персидской Мугани шахсевенскими обществами достигла чрезвычайной остроты. Один из опрошенных Артамоновым шахсевенов так обрисовал положение племени: „Никогда у нас такой разладицы не было, как теперь, за последние годы. Почти все наши общества перессорились между собой. Особенно тяжело нам в плохие годы да под конец зимы: все общества тогда сбиваются в кучу к месту, где есть корм, и с оружием в руках вытесняют друг дружку" (цит. соч., 452).

Особенно ожесточенна была борьба с теми обществами, которые не переходили раньше на кочевки в русскую Мугань, оставаясь на персидской территории. Таковым являлось, например, племя Ходжа-Ходжалу, пастбища которых были после кровавых столкновений заняты другими обществами, кочевавшими прежде в русских пределах.

Но усилившаяся борьба за пастбища не ограничивалась одними только лишь шахсевенскими племенами, обостряя отношения между последними и

соседями-кочевниками. Так, в отчете ген. штаба Аверьянова (Отчет о поездке по Северному Азербайджану. Тифлис, 1900, 66) упоминается, что „всю осень и зиму в долине Кара-су происходят перестрелки между шахсевенами и всадниками Рахим-хана (селения которого... граничат с землями шахсевен; между собой общества живут также далеко не дружно, имея постоянные счеты и недоразумения относительно пастбищ“. Не менее упорная борьба из-за пастбищ велась между шахсевенами и курдами вплоть до 1907 г., когда последние победили и отбросили первых с насиженных мест. Наблюдавший эту борьбу, Д. Беляев пишет: „Последнее столкновение курдских кочевников с кочевниками тюрками, закончившееся полным удалением с левого берега р. Татаву тюркского элемента, произошло 3 года тому назад, когда курды отбили стада и у кочевавших в долинах низовий р. Татаву шахсевенов, разбив их кочевья, вынудили их больше не переходить через Джагату и зимовать в равнине, лежащей к северу от Миандуаба“ (Известия Штаба Кавк. воен. окр., 1910, 2-я треть, № 29, 8).

Совершенно естественно, что все эти причины влекли за собой значительное уменьшение количества скота у шахсевенских племен. По подсчетам Аверьянова „в настоящее время на один дым редко приходится более 1—2 лошадей, пары верблюдов, да 2—3 десятков овец; прежде же лошади и верблюды, принадлежащие одному хозяину, насчитывались десятками, а овцы — сотнями“ (цит. соч., 62). То же самое наблюдал и Артамонов, указывающий, что „роды сильно обеднели и едва насчитывают по 1 лошади и 1 верблюду на кибитку“ (цит. соч., 200).

Запрещение 1884 г. внешне сравнительно мало затронуло положение некоторых племен и зимой кочевавших на персидской Мугани. Самым богатым из них и из всех шахсевенских племен считалось племя Муганлу, где на каждый дым приходилось от 2 до 10 лошадей, от 2 до 30 верблюдов, от 5 до 50 голов рогатого скота и от нескольких десятков до 2 тысяч голов овец. Однако, недостаток пастбищ и наплыв скота в зимнее время на Мугань привел к сокращению скота и у Муганлу.

Прекращение тесной экономической связи шахсевенов с русскими поселенческими центрами, являвшимися для них главными базами по снабжению хлебом (из Персии кочевники получали лишь известную часть запасов), вынудили шахсевенов в лице их ханов и беков изыскать средства к созданию на пути своих перекочевов, в общей сложности простирающихся, в один конец, до 200 км, собственных сельскохозяйственных баз, могущих, с одной стороны, обеспечить людей хлебом, а с другой — заготавливать определенные запасы сена и иного корма для скота, как мы уже видели выше, сильно страдавшего от недостатка пастбищ. Уже в 1889 г. Л. К. Артамонов писал по этому поводу: „кочевники питаются исключительно покупным хлебом, но в последнее время мне пришлось наблюдать весьма интересный факт. Считая для себя унижительным заниматься хлебопашеством, богатые шахсевенские роды прибегают к найму оседлых жителей, которым дают бесплатно участки лучшей земли в своих кочевьях, помогают отстроиться и энергично защищают от всяких притеснений кого бы то ни было, не исключая и высших местных властей. Эти поселенцы обязуются отдавать приютившему их роду от 50% до 80% хлебного сбора в зерне... Такие поселки обыкновенно невелики, от 6 и до 30 дворов, и состоят из полуврытых в землю шалашей, весьма искусно оплетенных камышом“ (цит. соч., 200).

Спустя 10 лет о том же сообщает Аверьянов (цит. соч., 63—65), а за ним Л. Ф. Тигранов, побывавший в Персии в 1903 г. „Все Мешкинские племена, пишет он, „имеют — на местах зимовок (Мугань), яйлагов (Савалан) или по дороге кочевья (Салават, Аршар) по 1—5 деревень, обыкновенно в 10—15 оседлых дворов каждая. Крестьяне этих деревень набираются из совершенно обездоленных и обнищавших выходцев оседлого населения Азербайджана

(жертвы административного и мюлькадарского режима в Персии). Они являются к племени в буквальном смысле ничего не имея; беки, нуждаясь в продуктах земледелия, дают им займы орудия, скот и зерно и предоставляют удобные места из находящихся в распоряжении племени земель; за это они берут около $\frac{2}{3}$ урожая. Кроме того, эти деревни, представляющие лишь слабые зачатки оседлости, платят и государственные подати на общих основаниях и, следовательно, лишены возможности сносного экономического существования даже в персидском смысле слова, развитие же их при таких условиях почти невозможно. В особенности трудно приходится поселкам, расположенным по пути следования (осенью и весной) гакима из Ардебилля в Беясувар и обратно. Только удобство географического положения (западный Салават) или переход в руки сильного мюлькадара (Мекшин) доставляют этим деревням сравнительно сносное существование и даже возможность увеличения населения на счет слабых членов кочевников (Из общественно-экономических отношений в Персии. СПб., 1909, 121).

Такую же картину жесточайшей эксплуатации пришлых „хошнешинов“ шахсевенскими ханами и беками рисует и В. Минорский (*ibid.*, 277).

Вследствие описанного лучшего обеспечения себя племенной верхушкой запасами хлеба и корма для скота ханы и беки получили широкую возможность новой формы ограбления основной племенной массы. Каждый неурожай, связанный с ним голод, засуха, гололедица, эпизоотии и пр. стихийные бедствия использовались ими для скупки у кочевников-бедняков и середняков за бесценок их скота в обмен на хлеб и фураж.

В других случаях беки ссужают бедняков скотом, хлебом или фуражом под громадные проценты деньгами или натурой (под будущий помет), держа их в непрекращающейся жесточайшей кабале.

Таким путем шла пауперизация основной кочевнической массы, которой, разоряясь, оставалось в конечном итоге только наниматься в пастухи и батраки или итти на отхожий промысел.

Кроме всего сказанного, селения описанных „хошнешинов“ служили козлом отпущения во время борьбы между шахсевенскими и карадагскими ханами, также обладавшими подобными деревнями, которые беспощадно грабились и разорялись враждующими сторонами, стремившимися лишить противника хозяйственной базы.

Нередко деревни подвергались разграблению со стороны правительственных отрядов во главе с чиновниками-сборщиками податей и др.

Под влиянием совокупности всех указанных причин те шахсевенские племена, территории которых орошались естественным путем или поддавались ирригации, а потому могли быть сравнительно легко обработанными, стали усиленно переходить на оседлое положение („техтэ-капу“ — буквально деревянные ворота). Особенного напряжения процесс оседания достиг среди ардебильских племен, которые в отличие от мешкинских, в настоящее время почти все оседлы. Причиной тому является способствующее земледелию обилие орошения, вследствие чего еще путешественники XVII в. сравнивают Ардебиль с Венецией (см. Бортольд. Историко-геогр. обзор Ирана, 144).

Отсутствие воды для орошения, как одного из важных факторов, препятствующих оседанию кочевников на землю, было отмечено серьезным исследователем И. Сегалем в интересной работе „Елисаветпольская губерния“ (Кавказский Вестник, 1902, V, 20—22), где Сегаль, полемизирует с другими авторами, считающими единственным тормозом в переходе к оседлости „кроме исторических причин, местные климатические условия и, главным образом, занятие скотоводством“. На ряде примеров Сегаль доказывает, что вследствие отсутствия воды для орошения даже кочевники-бедняки, владеющие лишь скотом для передвижения, в некоторых районах не могут перейти к оседлости.

У шахсенов мы имеем еще и другой фактор — разливы Аракса и Куры. Говоря о переселенчестве на Мугани, Сатурин (Муганская степь. Тифлис, 1916, 28) пишет: „Оседлое население сперва ютилось по берегам Куры и Аракса, где ему жилось довольно плохо, так как постоянно грозили наводнения, а добыть воды для орошения полей было очень трудно. Первое русское поселение на Мугани, Петропавловка (основано в 1887 г.)... в первые годы своего существования... было почти уничтожено наводнением“.

Тем не менее даже и в благоприятных для земледелия районах, переход к нему от скотоводства совершается с чрезвычайным трудом, так как совокупность всех жизненных условий кочевника-шахсена теснейшим образом, связана со скотоводством. Это обстоятельство было отмечено составителями поданного в 1836 г. „по высочайшему соизволению“ „Обозрения российских владений за Кавказом“. Там значится: „Как единственный источник богатства кочевых жителей состоит в скотоводстве, то все их попечения имеют целию сохранение и умножение скота: не требуя для себя никаких выгод, они даже готовы жертвовать ими, лишь бы стада их были в довольстве. Это наложило особый тип на образ их жизни домашней и на все действия в обществе; поэтому туземцы (т. е. оседлое население. *Ф. Р.*) называют их коин-нукер, т. е. нукеры или слуги баранов — и это совершенно справедливо“ (III, 139).

То же можно сказать и о всех других кочевниках-скотоводах. Так, о киргизах читаем в „Материалах по обследованию туземного и русского старожильческого хозяйства и землепользования, собранных и разработанных под руководством П. И. Румянцева“ (СПб., 1913, IV, 147—148): „Если по отношению к землевладельцам, несмотря на крупные успехи земледельческой техники, имеет силу и значение «власть земли», то в отношении киргиз-скотоводов еще с большей силой проявляется «власть скота»... Вся жизнь и обстановка киргиза так приспособлена к скотоводческому хозяйству, что наблюдая их, порою затрудняешься ответить, кто для кого существует: скот для киргиз, или киргиз для скота.“

Для иллюстрации того, до какой степени потребности кочевого хозяйства пронизывают жизнь кочевника, приведем следующий характерный пример. Кочевавшие на Мугани шахсены и другие племена называли дни недели совершенно иначе, чем оседлое население, напр. пятница (джума) называется „сют-гюн“ (буквально молочный день), т. е. день, в который отдают плату пастухам, воскресенье (йек-шембэ) „туз-гюн“, т. е. день кормежки скота солью; вторник (до-шембэ) „йоль-кассан-гюн“, т. е. день, когда перерезали дорогу (воспоминание об ограблении кочевниками богатого каравана близ Ардебилля). Некоторые дни называются по имени базаров, где кочевники сбывают свои скотоводческие продукты и кустарные изделия: „кала-гюн“ (базар в окрестностях крепости Аркеван) „Бродига-базар“, „Кизылагач-базар“ и др.

Противоположность интересов скотоводческого и земледельческого хозяйств и вытекающая отсюда вражда кочевников и оседлого населения, определяет взаимоотношения этих двух категорий: „В глазах истинного шахсена“, говорит Тигранов, „занятие земледелием не пользуется уважением, а оседлый — вызывает презрение. Окружающая его действительность постоянно питает такое воззрение, ибо оседлое население является для него „бараном беспрекословно позволяющим себя стричь“. Из этого населения являются к ним совершенно нищие и угнетенные духом искать покровительства, за которое они готовы платить даже рабским состоянием. Между тем, как раз этот пришлый элемент, образуя оседлые деревни племени, дает ему не только необходимое зерно, но и образец, высшего культурного существования. Только возрастание доходов с деревень, с увеличением числа их, принадлежащих племени, и систематическое исчезновение условий для кочевой жизни, вследствие роста оседлого населения выдвигают в жизни племени неотразимую необходимость осесть для занятия земледелием. К ячейкам осед-

лости из нищих материально и духовно примешиваются из племени такие же „слабые“, пока не остаются, наконец, только сильные духом беки с небольшою дружиною из беков и бекзаде (т. е. бекских детей).

Средства для существования такой дружины с избытком получаются из деревень, вследствие этого пропадает необходимость кочевать и исчезает кочевой элемент. Вместе с прекращением кочевки теряется также школа, вырабатывающая военное воспитание для целого племени. Постоянные столкновения с другими племенами из-за пастбищных мест на зимовьях, по пути кочевья и на яйлагах отпадают сами собою, масса отвыкает от военного положения, гарантировавшего право существования племени, и сильным духом личностям — бекам, совершенно чуждым земледельческому хозяйству, единственною ареною для продолжающегося по инерции молодчества представляются разбои“ (цит. соч., 134—135).¹

Самый процесс оседания идет, обычно, несколькими путями. Так, пришедшая в упадок, малочисленная кочевая группа частью поглощается более сильными обществами, как подробно было описано выше, частью же ассимилируется с другим осевшим племенем. Таковыми являлись ранее существовавшие ардебильские племена: Фараджулла-ханлу, Мирза Рахимлу, Фатхулла-ханлу, Паша-ханлу. Другой формой является приобретение небольшим или средним племенем деревни или группы деревень, или оседание этого племени целиком на удобном для земледелия месте. Такое селение или группа селений носит, обычно название племени (напр., Аббайлу, Удулу, и др.), будучи с ним органически связано в хозяйственном, податном и административном отношении.

„Кочевое племя оседает в районе своих деревень, указывает Тигранов, причем вследствие внутренней племенной связи и территориальной целостности получается волюсть с названием племени. Это название, сохраняя впоследствии преимущественно ориентировочный характер, далеко переживает сознание племенной особенности, ибо соседство с другими деревнями, полное единство языка, быта, верований, и постоянно растущие связи и сношения с другими производят ассимиляцию. Последняя устанавливается даже ранее исчезновения беков и прекращения взимания бывшего кочевого налога. Население называет себя обыкновенным, для всех оседлых, именем „раат“ и удивилось бы если бы его называли шахсевеном.

В малых и средних племенах относительное количество раата и беков незначительно; это, повидимому, является главною причиною того, что постоянное дробление при наследовании приводит к захуданию бекских родов и растворению их в крестьянстве, или к насильственному изгнанию, так как одновременно с этим земли их поглощаются культурно более сильными элементами из духовенства, сановников и купцов. Такими средними племенами являются Дурсун-Ходжалу, Кузатлу, Шахлу“ (цит. соч., 136).

Более сильные племена как, например, Юртчи и Поладлу, занимая большую территорию, а также и в силу большей экономической мощи бекской верхушки, владеющей значительным количеством деревень, могла с большим успехом бороться с правительством и помещиками мелькедарами. Вместе с тем сильные беки всемерно стремились примазаться к административному аппарату покупая у „хакима“ (губернатора) с торгов право взимания с племени налогов. При этом следует отметить, что с осевших племен взимались все земельные подати на общих основаниях, но на них продолжал тяготеть и бывший кочевой налог, собираемый губернатором.

Следует также отметить, что со времени прекращения перехода шахсевенов на русскую Мугань, налоговой пресс стал давить на них со все увеличи-

¹ Личность такого племенного вождя талантливо обрисована Н. Тихоновым в его „Кочевниках“ (М., 1931, изд. „Федерация“, глава Белуджи, стр. 23). Тихонов описал известного Керим-хана.

вающейся жестокостью, особенно сильным притеснениям подвергались живущие ближе к Ардебилу. Ходжабеглинское и Ходжаходжалинское же общества, зимующие на границе Ардебильской и Карагадской провинций, чувствовали себя более независимыми, совершенно не признавая распоряжений губернатора Карадага и почти открыто убивая его чиновников, в то же время находились вне непосредственного воздействия ардебильских властей, вследствие дальности расстояния.

Обеднение шахсевенов, сокращение количества скота, жестокий налоговый гнет, — все это заставляло шахсевенов увеличивать свой бюджет путем аламанских набегов. Вот как расценивает это явление газ. „Кавказ“ от 2 мая 1908 г. Приводим заметку почти целиком, как имеющее большой интерес и по сей день описание своеобразной боевой тактики кочевников.

„Случаи разбоев в Персии и частых набегов в пределы Закавказья среди названных шахсевенских обществ за последнее время приняли характер обыкновенных ежедневных занятий. Причину этого мне объяснили так: со времени окончательного запрета угонять стада на зиму к нам на Мугань, главная и чуть ли не единственная статья хозяйства шахсевенов сократилась до минимума, вследствие чего громадное большинство дымов окончательно обнищало. До распоряжения 1884 г. каждое среднего достатка шахсевенское семейство имело в среднем 15—20 штук крупного скота, 100—200 овец, несколько лошадей и верблюдов. Как только прекратился доступ на русскую Мугань, скот от бескормицы начал падать или продаваться хозяевами за бесценок; количество лошадей, этих первых друзей шахсевенов, уменьшилось до того, что в настоящее время есть много дымов, которые не имеют ни одной лошади. Теперь, во время сбора шаек для набегов, не редки случаи, что владелец коня уступает его неимеющему этой роскоши „храбрецу“, но с тем условием, чтобы этот последний, по благополучном возвращении из „похода“ поделился с хозяином коня привезенною добычею. Таким образом выходит, что при совершении опасной операции на паях один шахсевен рискует конем, а другой жизнью.

Шайки для набегов в наши пределы организуются с ведома, согласия, а иногда даже по инициативе родоначальников обществ, которые в свою очередь подчиняются главному — иль-беги. После каждого удачного набег, добыча представляется последнему, который, в присутствии аксакалов общества, участвовавших в „деле“, распределяет „трофей“ между участниками, предварительно отделив в свою пользу львиную долю. В состав каждой шайки, совершающей набеги на русские владения, обыкновенно входят представители 2, 3, иногда и больше колен.

Общий план серьезного набег предварительно сообщается главному старшине, который по личному своему усмотрению назначает из каждого общества число всадников, которые обязаны к определенному времени собраться в одном из близких к границе пунктов. Эти всадники выезжают из своих кочевков не все вместе, а по 1 или по 2 (и то преимущественно ночью), чтобы не возбуждать любопытства и подозрения. Эта собранная из нескольких обществ шайка подчиняется одному главному атаману и, имея из жителей пограничных селений проводников, переезжает границу. Здесь шайка делится на несколько отрядов; сам главарь с несколькими всадниками остается вблизи границы, а остальные отряды, по мере удаления в глубь наших пределов, отнавливаются в шахматном порядке, на заранее определенных местах, устраивая засады по близости отступления своих передовых отрядов. Самый же головной отряд, достигнув цели, т. е. угнав табун лошадей, гурт крупного скота или же ограбив караван, селение и т. д. непременно возвращается назад по заранее определенному маршруту; если на обратном пути он подвергается преследованию, то вспомогательные отряды, расположенные в засаде вдоль пути отступления, пропустив своих товарищей и преследующих их, с тыла и флангов

открывают перекрестный огонь по последним и мешают им довести преследование до конца. Благодаря этой тактике, в большинстве случаев набег шахсевенов на нашу территорию увенчиваются успехом. В этом успехе, кроме ловкого приема обеспечения себе пути отступления шахсевены немало обязаны и искусству дрессировать своих лошадей, которые, у всех способных принимать участие в аламане, круглый год подвергаются строгой тренировке“.

Вот, что писал перед началом мировой войны о значении шахсевенов с военной точки зрения начальник штаба Ардебильского отряда: „Знакомые хорошо с местностью, отлично применяясь, пользуясь для себя каждым камнем, каждой ложбинкой, подвижные, легкие, привычные к продолжительным движениям в гористой местности, имея лошадей горной породы, шахсевены при нападении или отражении нападений, никогда не группируются в одной массе, а дробясь на части, развлекая на фронте, всегда стремятся обходить противника, быстро его обтекая, редко принимая удар вплотную, отступая в точке наибольшего давления, сейчас же появляясь на флангах и в тылу, стремясь растянуть и раздробить отряд противника, когда пользуясь своим постоянным численным превосходством, могут иметь случай уничтожить раздробленного врага. У них хорошо организовано наблюдение за противником в течение всего боя или перестрелки, на каждой высоте окружающей противника, всегда имеется по несколько наблюдателей... Упорство в бою зависит от степени опасности еще не успевших уйти стад и семей с имуществом и от численного превосходства над противником. Чем расстояние между партиями шахсевен, завязавших бой и их уходящими кочевками более, тем сопротивление слабее, и обратно — по мере уменьшения этого расстояния их упорство в бою возрастает“.

Персидская революция 1909—1911 гг. явилась для шахсевенов благоприятным моментом для обогащения. Племенные низы стремились путем ограбления оседлого населения и налетов на торговые караваны поправить свое материальное положение, ханы и беки снимали сливки с полученной добычи, прочно ведя с собой на поводу основную племенную массу. Ханы и беки энергично воспользовались реакцией, как это, впрочем, всегда имело место в Персии во время революционных выступлений городского и крестьянского населения. Достаточно вспомнить бабидские восстания, в подавлении которых среди других племен известную роль играли и шахсевены.

Не следует также забывать и тесной связи всех слоев шахсевенского общества с шахской властью через посредство русской казачьей бригады.

Громадную роль в реакционной позиции шахсевенов и, в первую голову, ханской и бекской верхушки сыграло длившееся более двух лет (1907—1909 гг.) грандиозное восстание против своих ханов крестьян-талышей (Намин) и карадагских и шахсевенских „хошнешинов“, этой наиболее жестоко эксплуатируемой части азербайджанского крестьянства. Так, в „Сборнике дип. документов, касающихся событий в Персии“ (СПб., 1908, I, 144) читаем: „Конфликт между ханами и повстанцами затягивается и может повести к серьезным событиям. Лишенные обычных доходов, ханы решительно примутся за подавление восстания с помощью шахсевенов и разгромят непокорные селения“.

Среди шахсевенских главарей началось контр-революционное движение, причем было решено двинуться на Тегеран, с целью подавления революции и восстановления на престоле Мохаммед-Али шаха. Организаторами и инициаторами этого похода выступали, при полной поддержке и санкции со стороны царского правительства, известный бандит и крупнейший владетельный хан Рахим-хан Карадагский и Мамед-Кули-хан Аларский. К ним примкнули другие видные феодальные ханы: Новруз-хан Ходжабеглинский, Кара-бек Дилагардинский, Хаджи Пенджали-бек Муганлу, Реза-Кули-хан Поладлу, Насрулла-хан Юртчи, Эмир-Эшайер Хальхали и др.

Однако, движение, которому Рахим-хан всячески старался придать политический характер, на практике вылилось в простой грабеж. Поздней осенью 1909 г. шахсевены двинулись на Ардебиль, взяли его и подвергли самому жестокому грабежу, но дальше не пошли, так как захватив громадную добычу, позабыли о шахе на выручку которого шли, а занялись перевозкой награбленного из района Ардебиля к себе домой. В ноябре 1909 г. в Астаре высадились русские оккупационные войска, занявшие Ардебиль, после чего главари шахсевенов со своими отрядами разошлись по стоянкам.

Для наказания шахсевенов за грабежи из Тегерана была выслана в начале 1910 г. карательная экспедиция, под начальством известного Ефрем-хана. После длительной борьбы шахсевены и караджадагцы были разбиты и Рахим-хан бежал в Россию, где был с радостью принят царским правительством, назначившим ему местожительством Екатеринодар.

После ухода Рахим-хана и периода относительного спокойствия, началась борьба за власть между главными шахсевенскими ханами, с одной стороны, и влиятельным Новруз-ханом, с другой, подчинившим ходжабеглинские племена и стремившимся подчинить и все остальные шахсевенские общества. Однако, борьба была прервана новым походом Ефрем-хана, закончившимся арестом Новруз-хана и других главарей и полным разгромом шахсевенов.

Однако, никаких особых результатов экспедиция Ефрем-хана все же не достигла. Здесь следует отметить один чрезвычайно характерный факт: по официальному заявлению самого Ефрема, главной целью экспедиции было разоружение шахсевенов и взыскание с них недоимок. В начале похода, когда операции велись в районе племен Поладлу, Юртчи и Халхал, расположенных далеко от русской границы и населенных обществами, которые никогда не производили набегов на русскую территорию, разоружение велось весьма успешно. Когда же были им подчинены приграничные племена, искони занимавшиеся разбоями и налетами на русские пределы, племена эти не были разоружены и с них взимался лишь налог за право ношения оружия. Объясняется этот факт тем, что тогдашнее тегеранское правительство видело в шахсевенах единственный оплот против России, оплот который ни в коем случае нельзя было лишать оружия.

Следует также остановиться на экспедициях русских войск против шахсевенов. Первая такая экспедиция имела место в 1908 г. и возглавлялась генералом Снарским. Вызвавшей ее причиной был набег шахсевенов на русский пограничный пост, в результате чего был убит ротмистр Двоеглазов. Этот инцидент был умело раздут и широко использован царским империализмом, выставлявшим его одним из важных аргументов в оправдание оккупации персидского Азербайджана русскими войсками.

Ультимативные требования ген. Снарского об уплате денег по судебным искам, сдаче оружия, выдаче убийц Двоеглазова и пр. были выполнены лишь в самых минимальных размерах, так, что данную экспедицию русское командование сочло неудачной, не удовлетворившись разгромом и сожжением нескольких шахсевенских деревень и кочевий.

Вторая экспедиция была предпринята в октябре 1909 г. после учиненного шахсевенами разгрома г. Ардебиля. Отрядом командовал известный полковник ген. штаба Аверьянов. Русские войска заняли Ардебиль без боя и шахсевены рассеялись.

Третья экспедиция была послана весной 1912 г. под начальством ген. Фидарова и имела целью атаковать шахсевенов во время перехода последних с кишлаков на йейлаги на Савалан. Однако, время было упущено и операция сорвалась.

Наконец, четвертая экспедиция состоялась осенью 1916 г. под начальством того же Фидарова. Вследствие своевременного занятия всех главнейших стратегических пунктов, операция была проведена удачно и шахсевены были

отрезаны от своих зимних пастбищ. Однако, принятая ген. Фидаровым крупная взятка побудила его приказать пропустить шахсевенов, так что экспедиция кончилась для последних благополучно.

Революция в России, отвод русских войск из Персии и последовавшие события дали шахсевенам широкие возможности для налетов на оседлое население, грабежей и разбоев, а также для расширения своей пастбищной территории. Последнее обстоятельство явилось одной из главнейших причин нападений шахсевенов на советскую территорию в 1921—1922 г. Кроме того, шахсевены часто использовались мусаватистами и другими контр-революционными группировками для борьбы с крепнувшей в Закавказьи советской властью. Ослабление власти центрального персидского правительства на Севере также усилили налеты шахсевенов. Указанные обстоятельства побудили персидское правительство, в лице Реза-хана, предпринять усмирение и разоружение шахсевенских племен. Кроме разоружения, их обязали уплатить все налоговые недоимки и возместить убытки пострадавшему от их набегов оседлому населению. В то же время, по приказанию Реза-хана был казнен ряд феодальных ханов, не желавших подчиниться центральному правительству (Хосейн-Али-хан и Зергам-хан талышинские, Эмир-Эшайер Хальхали с 12 восставшими против Реза-хана халхалскими ханами и др.). К концу апреля 1923 г. разоружение шахсевенов было закончено.

Следует отметить, что борясь с отдельными, не подчиняющимися власти центрального правительства феодальными ханами, центральное правительство не уничтожает социально-экономических основ феодальной власти, ограничиваясь лишь заменой одного хана другим и подчинением племени контролю военных и гражданских чиновников, являющихся для племенной массы новыми носителями насилия и взяточничества.

Несмотря на разоружение шахсевенов, можно предполагать, что центральное правительство не слишком старается перевести шахсевенов, на оседлое положение, очевидно держа шахсевенов, несмотря на регулярную армию, на всякий случай, как возможное орудие против СССР, что, повидимому, поддерживается империализмом. Любопытно также, что шахсевены являются одним из пяти племен, имеющих своего представителя (разумеется феодала) в Меджлисе по действующему избирательному закону 1925 г.

Некоторые мероприятия по переводу шахсевенов на оседлость могли иметь место, повидимому лишь в отношении шахсевенов Савэ. Так, газета „Сетарэ-йе-Иран от 12 IV 1931 г. заявляет: „В смете на настоящий год имеются специальные ассигнования на перевод кочевых племен на оседлое положение и правительство приступило к проведению этого плана в жизнь. Решено, что шахсевенские племена, проживающие в настоящее время постоянно в округе Савэ и Зеренда должны быть переведены на оседлое положение.¹ Им будут предоставлены земли, на которых они займутся хлебопашеством. Для орошения этих участков в Савэ будет устроена запруда, на которую тоже имеется ассигнование. Кроме того, будет нанято некоторое количество крестьян, которые будут посланы туда, чтобы ознакомить шахсевенов с приемами земледелия и сельского хозяйства. Предприняты также меры для отведения земельных участков для племен Луристана“.

К сожалению, отсутствие новейших данных о шахсевенах как в печати, так и в соответствующих рукописных материалах не дает возможности под-

¹ Шахсевенская группа Савэ состоит из 2 племен: 1) Багдади и 2) Инанлу. Первое, живущее между Савэ и Кумом, насчитывает около 800 семей. Повидимому оно прибыло из Шираза во времена Шах-Аббаса. Делится на 14 кланов. Инанлу зимуют между Тегераном и Кумом, к югу от р. Кередж, переходя на летние кочевья (5 1/2 месяцев, начиная с апреля) в Перванэ, в пров. Хамсэ (Зенджан). Насчитывает около 1000 семей. В прежнее время племя находилось на Мугани, откуда его по некоторым источникам перебрал Надир-шах, стремившийся создать барьер против курдов (Бильбасов).

робно останавливаться на степени реализации персидским правительством предположенных им в Шахсении мероприятий, современном положении племен, а также на том, как отразился на последних экономический кризис. Единственным печатным источником, имеющимся в наших руках по этому вопросу, может служить любопытная статья д-ра Теги Бехрами „Сельскохозяйственная поездка“ в журн. „Меджеллэ-йе-Медресэ-йе-Али-йе-Кередж“, 1931, 1, 117, где автор описывает район Мосейлэ, в котором обитают осевшие уже на землю шахсены и кочевое, в своей массе, племя Гельгу („Гельгу“ — повидимому, происходит от тюркского глагола гелмек, притти, и значит, буквально, „пришлецы“, „чужаки“), по всей вероятности переселенное сюда около 1792 г. при первом Каджаре, Ага-Мохаммеде, использовавшим переселенное племя в качестве транспортников-верблюжатников для армии.

Шахсены Мосейлэ, насчитывающие около 180 семей, занимаются земледелием, скотоводством и ковроткацким ремеслом, сбывая свою продукцию в ближайшие центры — Верамин, Мозеффер-абад и др.

Племя Гельгу, насчитывающее около 200 семей, занято в первую голову скотоводством и верблюдоводством и, лишь в самой незначительной степени, земледелием и ремеслами. Сбывают продукты скотоводческого хозяйства: сухое кислое молоко („кяшк“), сыр, масло, шерсть высокого качества и кожу. Около половины всего количества Гельгу живет оседло, другая же половина кочует, имея йейлаги и кишлаги.

Автор статьи отмечает, что „за последнее время (читай со времени кризиса. Ф. Р.), некоторая часть их, вследствие бедности и расстроенности направляются летом в Верамин, Гара и Пешапуйэ на отхожие промыслы и „хушэ-чини“ (собрание остающихся в поле после жатвы колосьев)“.

Приведенная краткая цитата красноречиво говорит о той степени нищенства, до которой довели племена экономический кризис и гнет современного режима.

Хорошо известно, что фабричные товары капиталистических стран неуклонно вытесняют предметы кустарного производства племен, разоряя последние. В этом отношении Теги Бехрами отмечает, что изготовлявшаяся ими ранее одежда из верблюжьей шерсти совсем исчезла и выделяются лишь „джолы“ (попоны) и „чувалы“ (род переметных сумм), цены которых понизились почти втрое, а также идущие на экспорт ковры.

Сокращение экспорта персидских ковров, вызванное кризисом на мировом рынке жестоко отозвалось, в первую голову, на менее ходовых, по сравнению с городской продукцией ковровыми изделиями крестьянства и кочевников, еще более ухудшая их и без того нищенское, полу-голодное положение.

От кризиса богатеет ханская верхушка обитающих в Мосейлэ племен, владеющая в этом районе обширными пастбищами. Ханы скупают у бедняков-кочевников скот за бесценок, кроме того, занимаясь миширфством и принимая на свои пастбища до 6000 чужих овец из Верамина, при этом взимая за пастьбу по 5 туманов с каждых 100 голов. Всего в Мосейлэ скопляется до 26 000 баранты, но возможно допустить еще 20 000 голов, что создает для ханов и беков чрезвычайно заманчивые перспективы. Ханы принимают также на пастбища верблюдов на очень выгодных для себя условиях.

О том, как реализуются на практике в отношении племен распоряжения правительства, можно судить по тому, что в числе „мероприятий, которые оно намеревалось провести для поднятия сельского хозяйства в Мосейлэ“ (стр. 11), значится: „§ 4. Замена натурального налога на баранту в размере 3 голов со 100, соответствующим денежным налогом“.

Таким образом, вплоть до настоящего времени, несмотря на победные реляции и умело раздутую саморекламу, в таких сравнительно, близких от центра районах, все еще господствует натуральный налог на скот, каковой налог вряд ли будет скоро заменен денежной формой.

Остальные пункты списка „мероприятий“ свидетельствуют о полном отсутствии в районе ирригационных сооружений, лесной охраны, школ и пр.

Ближайшей задачей в области изучения персидских племен является точный анализ отражения, на социально-экономической структуре последних экономического внутреннего и мирового кризиса, точный учет усилившихся за последние годы отдельных племенных вспышек и восстаний и перерастание их в национально-революционное движение, а также кропотливая работа над всем комплексом вопросов, связанных с проблемой некапиталистического развития племен в Персии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА О ШАХСЕВЕНАХ

1. В 1025 г. х. (1616 г. н. э.) написана Искандар Муншй, Тарйх-и-алам-арай-и- 'Аббасй опубликованная в Тегеране в 1314 (1896 г.). Особенно см. о шахсевенах стр. 182, 205, 218, 253—255, 365—366, 370, 762.
2. Бутков П. Г. Материалы по новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб., 1869, ч. I—III. См. разбросанные данные о III: ч. I, стр. 92, 238 пр. I, 243 пр. I, 244, 245, 249, 386 пр. I, 411, 420, 423, 425; ч. II, стр. 80, 92, 141, 307, 320; ч. III, 397. См. также в указателе (состав Л. Броссе) слово „Шайсеваны“, 579.
3. Бурнашев. Описание областей Азербайджанских в Персии и их дипломатического состояния. Курск, 1793.
4. Dupré A. Voyage en Perse, fait dans les années 1807, 1808, 1809. P., 1819, II, 453.
5. Malcolm, Sir John. The history of Persia... L., 1915, I, 556—2; 500; 543. См. также французск. изд. 1821 г. II, 267—301, 349. Автор ссылается на Зубдат-ут-таварйх, доведенную до 1063 г. Камаль ибн Джамаль Мунаджжим. (См. Rieu. Catalogue of the Persian Mss. III, 1055—1056).
6. Morier J. Some account of the Ilyats... „Journ. of the R. Geogr. Soc.“ 1837, VII, 235 (Политика рассеивания племен при Надир-шахе и пр.).
7. Jaubert P. A. Voyage en Arménie et en Perse. P., 1821, 225; 311 (Ш. Зенджана и их кушарн. ремесло).
8. В 1247 (1831) написана Зайн-уль-'Абидйн Ширванй работа Бүстан-ус-сийахат (Тегеран, 1315/1897). На стр. 316 — о III. в Кабуле и Кашмире.
9. Hammer J. V. Geschichte des Osmanischen Reiches... Pest, 1831, VII, 335.
10. Обзорение российских владений за Кавказом... СПб., 1836, ч. III, гл. XII. О кочующих жителях Талышинского ханства: 244—252, 244. Sheil, Lady. Glimpses of life and manners in Persia... L., 1856 (о III. см. стр. 101—102; 107—108).
11. Зейдлиц Н. Этнографический очерк Бакинской губернии. Кавказский календарь на 1871 г. 49—51.
12. Огранович И. Сведения о Шахсевенах. „Кавказский календарь на 1871“, отд. 2, 68—84.
13. Его же. Муганская степь... „Кавказ“, 1872, №№ 1, 11, 37, 45, 82, 85, 102, 130, 144.
14. Его же. Провинции Персии Ардебильская и Сарабская. 1876, X, I, 201—215.
15. Колюбакин. Состав населения Персии по племенам и провинциям. „Сборник материалов по Азии“, 1883, IV, 64—65.
16. Radde G. Reisen an der Persisch-Russischen Grenze. Talych und seine Bewohner. Lpz., 1886, I, 418—447 (данные Ограновича).
17. Müller A. Der Islam... B. 1887, II, 364—365. См. русский перевод под ред. Н. Медникова. (СПб., 1896, III, 396).
18. Кистенев Д. Источники благосостояния крестьян Ленкоранского уезда... „Труды Кавказ общ. сельского хозяйства“, Тифлис, 1889, № 5—6 (см. гл. о скотоводстве: 289—317 и специально о III: § 6, стр. 304—306).
19. Фасайй, Хаджи Мйрза Хасан — Файр-намэ-йи-Найири. Тегеран, 1313 (1895—1896) См. о племени Инанлу: II, 309.
20. Horn P. Grundriss der Iranischen Philologie. Strassburg, 1896—1904, II, 583.
21. Houtum-Schindler A. Eastern Persian Irak. L., 1896, 48.

22. Бахтадзе А. Кочевники Закавказского края. В „Своде материалов при изуч. эконом. быта гос. крестьян Закавказск. края“. 1888, II, 2, 65—134.
23. Вивьен де Шатобриан. Карта распределения населения Бакинск. губ. Масштаб 1: 1 260 000. Тифлис, 1888—1889. Список населен. мест российск. и. XI.
24. Марков Вл. Шахсены на Мугани. Историко-этнографический очерк. „Зап. Кавк. отд. Русск. геогр. общ.“, 1890, XIX, I; (приложение), 1—62.
25. Артамонов Л. К. Сез. Азербайджан. Военно-геогр. очерк. Тифлис, 1890, I, 27—28; 78, II, 197—201, 394, 443—456.
26. Блюмер. Описание дороги из г. Казвин... „Сборник материалов по Азии“, 1891, XLIX, 91—2.
27. Аристов Н. А. Заметки об этническ. составе тюркск. племен... СПб., 1897, 139, сн. 3.
28. Аверьянов П. И. Отчет о поездке по Сев. Азербайджану. Тифлис, 1890, гл. V, 40—72.
29. Сегаль И. Елисаветпольская губерния. „Кавказск. Вестник“, 1902, № 5, 20—22.
30. Тигранов Л. Ф. Из общественно-экономических отношений в Персии... СПб., 1909, 93—146 (Результаты поездки 1903—1904 г.).
31. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. СПб., 1907—1913, вып. I—VII (О шахсенах в эпоху первой персидской революции, см. вып. I—IV. Обратить внимание на движение талышей и шахсеновских „хошнешинов“, против своих ханов в 1907—1909 гг.)
32. Атрпет. Рахим-хан Сердар... Александрополь, 1910.
33. Хаханов А. Шахсены (К событиям на Кавказск. границе). „Московск. Еженедельник“, 1908, № 22, 26—28.
34. Ш-ф, М-з-в. Шахсены. „Кавказ“, 1908, № 100.
35. Aubin E. La Perse d'aujourd'hui... P., 1908, 14, 32, 104—107.
36. Беляев Д. Очерк северо-восточной части персидского Курдистана. „Изв. Штаба Кавк. военного окр.“, 1910, № 29, стр. 8.
37. Morgan J. de. La féodalité en Perse... „Revue de Géographie et de Sociologie...“ P., 1912, № 5—8 (о III. см. стр. 178—179).
38. Сатурин К. А. Муганская степь. Тифлис, 1913, 3—4, 27—28.
39. Масловский. Материалы собранные при Штабе Ардебильского отряда. Заметка о шахсенах. „Изв. Штаба Кавк. военного окр.“, 1914, № 37, 1—23, 47.
40. Статья в „Ord och Bild“, 1913, 297—307.
41. Некоторые данные в работе Смирнова. Персы. Тифлис, 1917.
42. Babinger F. Seheich Bedr ed-din... „Der Islam“, 1921, XI, 97, прим. 1 (Замечания Эвлийы Челеби о шахсенах и их связи с „Али-илахи“).
43. Сафаров Г. Проблемы Востока. П., 1922, гл. VII. Кочевой быт, 61—73 (Цитирует Тигранова; 69—70, говоря о разделении труда между кочевым и оседл. населением).
44. Таиров М. Мехти и П. А. Павленко. Шахсены (под ред. Ф. М. Исаева). Баку, 1922, 65 стр. + 32 л. приложений + 4 карт Шахсений (расселение, перекочевки).
45. Ross C. Der Weg nach Osten... Lpz., 1924 (о III. см. 148—164).
46. Иранский. Через военную диктатуру к нац. государству. „Нов. Восток“, 1924, V, 107.
47. Minorsky V. Shah-sewan. „Encyclopédie de l'Islam“. P., 1926, Livr. E. 276—278 (Там же библиогр. справка). См. также Livr. 32 bis. 974—975 (см. также английск. и французск. изд. „Энциклопедии“).
48. Авдеев Мих. Мугань и Сальянская степь... Баку, 1927 (о III. см. стр. 9—16. Положение III. в эпоху дариизма и выселение их на персидск. Мугань). В конце книги библиогр. и фото.
49. Sykes, Sir Percy. A history of Persia. L., 1930, 3-е изд., II, 176, 228.
50. Бахрами, Таки. дуктур-Йак мусафарат-и-фалахати. „Маджалла-йи-Мадраса-йи-‘Али-йи-Карадж“, 1931, № 1, 11—7.
51. Кайхан, Масуд. Джагграфия-йи-муфассаль-и-Иран. т. II. — Сийаси. Тегеран, 1311 (1933). См. стр. 106—12: названия, численность, расселение, занятия и язык племен районов Ардебил (около 4000 дымов), Уджаруда (около 400 дымов), Мешкина (9150 дымов), Сава (Шахсены Багдади—7419 дымов, и др.).